

ДНЕВНИК ЧУДОТВОРЦЕВ

Ассин Атум

1-2

16+

Агсин Атум
Дневник чудотворцев

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Агсин Агум

Дневник чудотворцев / Агсин Агум — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-05244-4

Камень – это не просто твёрдый минерал, но ещё и горная страна, которая таит в себе секреты многих поколений человечества. Разные судьбы, переплетённые в невообразимом клубке свершений, встречаются в одном месте земного шара, лишь только для одного: чтобы познать сокрытую от простого обывателя тайну. Путешествие длиною в жизнь, вот что может ожидать ступившего на тропу искателя. Но каков будет исход этой истории, если за дело берётся непревзойдённый профессор и его юный талантливый помощник?

ISBN 978-5-532-05244-4

© Агсин Агум, 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Пролог	5
Книга первая	10
Глава первая	10
Глава вторая	20
Глава третья	29
Глава четвёртая	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Пролог

Профессор Сапожковский мог часами сидеть за рабочим столом, занимаясь написанием очередной глубокомысленной статьи из-за разгоревшейся в его мыслях новой грандиозной идеи, которая могла возникнуть столь внезапно, даже прежде, чем глаза сомкнуться положенным сном, либо уже в самую тёмную ночь прямо во сне. И тогда, особенно сновиденческими навеяниями, начинается бурное мариане бесчисленных листов бумаги, в результате после необходимо закупать новую. Но выполненные труды не пропадали на пыльных полках, а становились сокровищем не только профессорского гения, но и высочайшим всенародным достоянием.

В одну из таких случайных дум пришло к профессору провидение, будто бы он вот уже давно не выезжал в далёкую экспедицию, которых в своё время было у него немало. Выбор пал на горноалтайские края, где Сапожковский намеревался провести немного немало, а две-три недели, дабы хоть чуток прикоснуться к изучению обширного региона, раскрыв всю загадочную красоту, что там утаилась, для общественности. Но более всего, на самом-то деле, Борис Борисович грезил о некоторой своей аванюре, которая на протяжении полугода не даёт покоя пожилому натуралисту. Дело в том, что случилась с ним некогда одна история, перевернувшая обстоятельно взгляды на существующие научные аспекты.

Итак, поздно ночью, отъехав от столицы около двухсот вёрст, забрёл профессор в один из обветшалых забытых трактиров, коих можно было обнаружить в любой глухомани. Обменявшись парой фраз с хозяином и договорившись о ночлеге, Борис Борисович получил ключи от одной из заплесневелых комнатушек, какие прорубались тесными отделениями в этом покорёженном кбробе. Запахи сырости и нескончаемый скрежет по оконному стеклу сучка древнего иссохшего дерева, который, крючась во тьме, мог то и дело будоражить мозг человека с самым богатым воображением, не позволили профессору и сомкнуть глаз хотя бы на минутку.

При таком раскладе, Сапожковский, накинув свою фризную шинель, покинул беспокойную комнатку и спустился вниз, где располагалась тёплая харчевня, оказавшаяся куда-более тихим и уютным местечком. Усевшись поудобнее на одно из многочисленных свободных мест, Борис Борисович, находясь в тёмном уголке, ненароком стал свидетелем откровенного монолога неизвестного пришлого мужичка, который делился его объёмистым содержанием с не столь заинтересованным трактирщиком. И поначалу профессор не придавал безостановочной болтовне захмелевшего калики никакого значения и не одаривал его даже секундой внимания, а только лишь занимался собственными погружениями в некую заоблачную думу, пристально рассматривая низкие потолки и простецкие убранства подвального помещения. Так и хотел было скоротать недолгую ночь Сапожковский, располагаясь за скромным сидением у кабацкого прилавка. Но в тот момент, когда закралась некая таинственная мысль к седой голове старого пытливого ума, и занёс было тот острие карандаша к своей записной книжонке, донеслась до чуткого профессорского слуха на всякую государственно важную весть фраза о «белом пятне на карте нашей великой страны, о котором даже живущие рядом не знали». Тогда бросил он взгляд настолько удивлённый, что глаза его могли прямо-таки выскочить из орбит, а сам он не мог поверить собственному же недоумению. В такой момент Сапожковский отбросил свои еженощные писания и, как бы занимаясь чем-то своим в рассматривании исписанных листочков, стал заслушивать сие повествование с особым интересом.

Мужик, каких не нужно было и искать по всей земле государевой, в пыльной потрёпанной фуфайке от долгой и нелёгкой дороги, с взъерошенной бородёнкой и лохматой макушкой «горшком», не отличался особыми манерами общения и даже не воздерживался от крепкого словца, благо в харчевне отсутствовали дамы. Нельзя было сказать, что он не любил своё трудное житейство, которое по его же рассказам могло показаться и вовсе неким невообразимым

приключением, преодолеваемым им с такой же лёгкой руки, как прямо тут заливалось пенное в его опустевшие кружки. Ощущение складывалось действительно необыкновенное, ведь мужику вполне можно было поверить, и когда Борис Борисович пристальнее стал внимать его долгой речи, то продолжил дивиться ещё больше, воспринимая доподлинно всю информацию за чистую монету.

Пока звучал монолог, Сапожковский вовсе и не заметил, как его тёмный уголок посетила молодая половая служанка, которая не прибегла предложить ночному гостю чего-нибудь съедобного, а только молча поднесла к нему металлическую баклажку, которая вот-вот должна была наполниться чем-то загустевшим в её кувшине. На что собственно профессор также, совершенно не используя слов, указал той на категорическое нежелание употребить предлагаемого напитка, кивнув блестящим лбом в знак благодарности за оказанное внимание, снова принявшись за своё неожиданно всплывшее дело. Серые глаза не выдавали в нём ничего, а уши тем временем выполняли остальную работу.

Излагаемое мужиком можно было вполне уместить в увесистом томе старинного образца, где помимо текста монахи-летописцы особенно облюбили изображать яркие иллюстрации чуть ли не на каждой страничке. Но самое важное из озвученного старик, конечно же, уловил и, возможно, тем самым абсолютно изменил всю свою дальнейшую жизнь. Рассказчик поведал, что путь держит из местности, которая более известна многим как Камень. Опять же из слов повествователя стало известно, что именно там нашли свой вечный приют многие семьи крестьян, которые не хотели ни жить, ни погибать под жестоким гнётом царственного режима и приверженцев новых обрядов. Шли они туда за свободой, за куском хлеба, за надеждами, за счастьем, за жизнью – всё это в действительности и было приобретено где-то там на Камне. Целые поселения были выстроены вдоль берегов прекрасной полноводной и животворящей реки, дарующей ключи для самого светлого просвещения, с которыми открываются настоящие завесы таинства бытия. Людям в одно время там принадлежит всё и в то же время не принадлежит совершенно ничего. Природа не жалеет своих богатств, льющихся через край, и всякий вступивший на ту землю берёт те богатства и с благодарностью ими пользуется, облагораживая прелестный край и оберегая его от алчности чужаков. Там каждый делится с каждым, и любой может сделать мир настолько лучше, насколько он это сделать способен. Нет ни преступлений, ни преступников, готовых их совершать, а если заводился вор, то люди его просто изгоняли, считая не достойным быть рядом с ними на райском островке среди океана обыденности. И всё это уютится на обширных клочках земель Алтайского предгорья, вдоль реки Бухтармы, где как на грядке насажены деревеньки из нескольких дворов, мирно проживающие своё размеренное блаженное существование, сохраняя девственную чистоту волшебного места и поддерживая тонкую мистическую связь с природой.

И там же, где-то в глубине глухого леса, у самых корней величавой Белухи, томится некое ещё более загадочное и окутанное непроглядной завесой тайны место, куда вóвсе зайти может и не каждый. Туда путь не расскажут ни люди покинувшие Камень, ни местные, осевшие там, похоже, навечно, а если и расскажут, то намеренно сделают путаницу, какое-нибудь простое испытание, дабы неизвестному искателю или путешественнику путь туда был заказан. Природа Камня и люди Бухтармы вместе воссоздали такой союз, о котором не могли бы и поведать в самых старинных сказках, где сохраняется та крепость ниточки, соединяющая две частички одного целого. Для того загадочного места даже не существует единого названия, и нет ни одной рисованной карты с указателями, чтобы хоть одним глазком можно было запомнить путь к заветной цели. И, что там собственно находится, также доподлинно никто рассказать не может, как не стал рассказывать и захмелевший повествователь, довольно утомлённый своей историей. Но всё же смог поведать мужик с некоторым сожалением и глубочайшей печалью ещё кое-что о том таинственном местечке, создав совершенный образ совсем магического подобию, что даже профессор отметил это обстоятельство в своей записной книжечке

на обратной стороне обложки. Фраза была следующая: «В то место могут попасть только люди с добрым сердцем, и только такие люди обретут там свой покой». После сказанного у мужичка проступила крохотная слеза, которую тот незаметно попытался утереть своим замусоленным рукавом. И это стало по-настоящему тем моментом для Сапожковского, когда что-то пронзило его душу насквозь, вывернув какую-то даже загадку его самого наружу. Словно он искал чего-то так долго и вот, наконец, нашёл именно здесь, где-то далеко от бурной человеческой цивилизации, в одном стареньком придорожном трактирчике, в который захаживают, может раз в месяц, какие-нибудь проезжие гости по случайной своей нужде, блуждая от поселения к поселению. Здесь не могли быть высокопоставленные личности, дающие широкие балы по одной лишь своей прихоти, только беглые крестьяне, государственные преступники, отслужившие офицеры, кочующие работяги, отважные энтузиасты, юные натуралисты, но именно от таких людей возможно было услышать что-то о настоящей жизни.

И да, можно было даже упрекнуть старика в чрезмерной доверчивости и совершенной человеческой неразборчивости, приняв его столь внезапную заинтересованность вопросом, в котором его просветил проходимец, за нелепое стечение обстоятельств и даже детское любопытство. Но нет! Профессор высокоуважаемый деятель наук и мужчина сам по себе не совсем простой. В его жизни случалось всякое: невзгоды, бедность, взлёты и падения – всё переживал он, и с любой бедой справлялся и любого мошенника он мог распознать даже за версту.

Поэтому проявилось на поверхность для него в необычных словах простого мужичка такое, что нельзя было оставлять доживать здесь, в этой тухлявой харчевне, последние годы несостоявшейся в былые времена мечты. Борис Борисович вырвался из тьмы и во всей своей красе предстал перед малого вида человеком, который совсем было потерял связь с настоящим миром. К величайшему изумлению трактирщика открылась небывалая картина, когда завязывался задушевный диалог между людьми совершенно различного друг от друга рода и деятельности, и до того его поразила таковая ситуация, что и сам весьма заинтересовался происходящим, развесив собственные уши, которые до этого будто были набиты пробками.

Разговор удался на славу, и Сапожковский тогда удовлетворил свой пылкий ум профессорского миропознания, загрузив ещё несколько пудов научных догадок к своему непомерному багажу знаний. Мужичок просил прощения за свой болтливый и чрезвычайно длинный язык, угадав в старике некоего другого человека, о ком даже сам профессор вряд ли догадывался. Его было нельзя остановить, а Борис Борисович и не хотел того вовсе. Совершенно напуганный и весьма захмелевший, крестьянин излагал свою историю, что его некогда прогнали из Камня за некоторые «дурацкие» проделки и за его зависть к чужому добру, что он совсем жалеет о том и раскаивается, думая, что получит прощение от самого Сапожковского, что после этого спокойно можно возвращаться обратно. На что профессор только отрицательно качал головой, интересуясь больше тем, как можно добраться до Камня и существуют ли туда почтовые пути.

Долго ли происходила та чудная беседа, или нет, но профессор изъясил из неё то, что Камень – это самое открытое для путешествий место, где будут рады любому путнику, если его сердце будет столь же радушно принимать все предписанные там человеческие законы и правила. Да, на Камне возможно и живут люди, скрывавшиеся от государственных преследований, совершившие или не совершившие некогда какие-нибудь преступления, но те люди, получая что-то вроде новой жизни, начинали её же прямо-таки с нуля и хотели быть по-настоящему полезными себе и окружающим, выстраивая только тёплые и братские отношения между новыми живыми деревнями.

Может быть, то самое и запало в душу немало прожившего профессора, чтобы посетить наконец-таки заветное место для отдыха собственной души, где вполне возможно ощутить недостающий ему прилив сил от тех людей, что давно потеряли крепкую связь с остальным «высокопочтеннейшим» миром.

В минуты разновесных дум, когда Сапожковский оставался наедине со своими мыслями в собственной усадьбе, которую давно не посещали ни родственники, ни старые друзья, ни уважаемые коллеги, он останавливался у высокого окна и рассматривал широкую даль, где были яркие россыпи недосыгаемых звёзд, весело подмигивающих своими острыми лучиками, дабы уловить хоть какую-нибудь самодостаточность зародившихся в собственной же голове идей, чтобы однажды попросту взять да бросить всё и, наконец, выехать прочь, туда, на дивный Камень, где забудутся тесные и душные семинарии и бесконечная круговерть научных заседаний, в которых приходится производить одни и те же споры, повторяя одинаковые доводы, в пользу собственной правоты против грузной массы тех, в ком совершенно не видно никакой вовлеченности в самую суть любого выставленного на суд вопроса. Местом, где не будет всюду сующих нос современных обывателей, даже не пытающихся хоть на унцию уловить глубину мысли твёрдости доказательной базы теории истинных практиков, он представлял всегда именно тот самый легендарный Камень, о котором с каждым новым днём находилось всё больше и больше информации, случайно всплывающей тут и там, где-нибудь за встречей с видным деятелем, или в тексе, проскальзывающих колонок утренних газет. Всё это играло с профессором некую шутку, которая формировала пласт, тяготивших и подрываемых сомнений: «А нужно ли это всё по итогу?»

И каждый раз Борис Борисович умудрялся находить самое, что ни есть, трезвое объяснение всем своим внутренним помыслам, ловко отодвигая назначение даты отбытия некоей его несуществующей экспедиции, которой предстоял долгий и трудный путь на Алтай. Маршрут при этом прорабатывался тщательно. Каждый шаг должен быть зафиксирован заранее, дабы исключать любое недоразумение, в результате чего действительность сама собой отдаляла то начинание грандиозного путешествия, образуя искусственную преграду, для преодоления которой невозможно было найти должного средства. И так Сапожковский прощупывал хрупкую почву и измерял каждую пядь собственного же проекта, продолжая закапывать его глубже и глубже в бесконечный анализ мыслительных импульсов старого консерватора, которому страшно было и подумать о провале самой замечательной на свете миссии. День за днём он то забывал, то опять вспоминал о таинственном месте, где-то в отдалении Каменного общества, совершенно не тронутым никакой государственной властью, подчиняясь лишь только собственным же правилам круга и природным законам.

В те минуты и часы, когда мысли уходили прочь от ещё несовершенного, Борис Борисович был изрядно занят университетскими делами, проводя незабываемые лекции о биологических и философских начинаниях человеческого общества, о неразрывности понимания развивающейся цивилизации и природной среды, о вечной связи всего со всем, от бесконечного переноса энергии до всемирного круговорота воды. Его слушания всегда проводились при полных залах и при такой необычайной тишине, которая нависала звенящим воздушным одеялом над всей аудиторией. Возможностью завлечь первым же только предложением в самую суть проблемных вопросов, которыми затрагивалась та или иная тема лекционного занятия, он с лёгкостью образовал вокруг себя образ некоего магического оратора, такого мастера слова, о чём необычайном труде могли только слагаться самые настоящие студенческие легенды. Бывало и такое, что студенты действительно боялись пропустить хотя бы одну лекцию Сапожковского из самого только страха вдруг быть пойманными его непомерно пронзительным стальным взглядом, после чего, якобы, Борис Борисович не простит такого не уважения к его делу и обязательно повлияет на будущее обучение молодых учеников, вплоть до возможности дальнейшего пребывания в заведении или отчисления из него.

Хотя в действительности профессор и был по-настоящему строг и требователен к собственному предмету, но он никогда бы не посмел выставить прогуливающих студентов вон из училищных стен, считая это в высшей степени самым последним наказанием, которое можно применить к ученикам, совершившим ту или иную оплошность. И эти оплошности были вовсе

не прогулы или внезапная дремота, наступающая порой некоторых из молодых активистов, а явные недопустимые ошибки в научной деятельности, которые требовали неперемного своего внимания и исправления. Как правило, Борис Борисович всегда хмурил густые брови, нависающие прямо над круглыми его глазками, словно древний сушёный мох, и их взгляда в такие моменты было уже вполне достаточно, чтобы студенты принимались за исправление любого из своих провалов. Но Сапожковский же тогда применял собственную разработанную методу по устранению недочётов, которая обязательно подкреплялась дополнительной лекцией для прослушивания абсолютно всех, и даже тех, кто и не совершил бы подобных промахов – так Борис Борисович прививал скорее не любовь к науке, а уважение к пониманию трудовой деятельности, её действительной весомой цене и коллективный дух.

Когда же достигали до профессорского разума новые волны его же предприятия, которые могли бы вполне потопить скромную лодочку Сапожковского в бурном потоке океана мыслей, то он просто отбрасывал любые свои дела и выбирал в зависимости от места пребывания такой укромный уголок, где чувствовал себя уютно и безопасно, чтобы затеять очередную внутреннюю борьбу, которая возможно не закончится никогда вовсе. В той борьбе участвовали всё те же лица, что и тогда, в тот самый памятный вечер, в харчевне всеми забытого трактира: он – профессор и старый прагматик; захмелевший мужичок со своим невообразимым грузом поистине необычайных историй; и трактирщик, выступающий скорее в роли того самого пресловутого судьи ареопага на прениях и спорах двух греческих учёных, потерявших смысловую нить между теориями.

Можно ли подумать в тот момент, что Борис Борисович занят чем-то действительно важным? Скорее всего – нет. Сапожковский, применяя собственные методики вычислений и поисков истины и вдохновения, был весьма сравним с человеком легкомысленным и даже ленивым, который, наплевав на все навалившиеся дела, просто выбрал бездействие и невообразимо долгое стояние, сидение или лежание, плотно закрыв глаза и иногда бормоча чуть слышно про себя какой-то, невоспроизводимый для стороннего слушания, монолог. Или, когда приходилось ему лежать, то совершенно казалось, что профессор просто утомился и решил вздремнуть, чтобы потом с новыми силами приниматься за свои ежедневные начинания. Но никто в действительности своей и не догадывался, что такое невзрачное «бездействие» было делом, какого не смог бы и повторить любой из тех, кто случайно застал его за ним. Какой это был по масштабам колоссальный мыслительный процесс, воссоздающий необычайное путешествие, где-то в закромах несуществующего наяву собственного мира Сапожковского, проникая туда, где удалось вымерить и исследовать путешествие ещё невоплощенной экспедиции...

Книга первая

Глава первая

Чудо природы на западе от Сибирской тайги – так можно обозначить эту местность на карте великой страны. Густая поросль, охватывающая значительную часть безлюдных территорий, установила здесь собственное царствование, какого ни встретить, переходя далее на восток, к предгорьям могучего Рипейского хребта и сосновым гулливерам Тобольской губернии. Многочисленные реки извилистые и полноводные, и каждая питает прекрасную Вятку – реку богатую и весьма почитаемую в народе. Недаром край назвали Вятским, а губернский город получил именно такое же имя – Вятка. Как звучно, как необычно. Город, считавшийся не так давно ссыльным и совсем не приветливым, даже неприятным и отталкивающим, преобразился в настоящую симфонию, некую жемчужину под тенистым покровом человеческого невежества. С его мощёными дорожками, вдоль разномастных улиц, деревянными избами, настроенных тут и там, и белокаменными храмами, колокольными звонами разносящие металлическую песнь.

Что ни говори, а всё же по нему будут скучать. Не все и не каждый, но будут. Если выезжали, бывало, со дворов почтовые тройки, запряжённые весёлыми лошадами, танцуя пронеслись они мимо снующих всюду пешеходов, создающих только сумятицу, и с криками находчивых кучеров пропадали снова из виду, тогда возвращалась в город очередная идиллия. Снова беспечная болтовня о житейском, бесконечная птичья трель и отдалённый собачий лай, напоминающий собой, что город есть ещё и там, дальше, где высятся золотые купола Преображенского монастыря в одну сторону или сизые шатры Успенского Трифонова собора в другую. Там крестный ход, здесь – крестятся.

Одна из таких почтовых троек сейчас как раз-таки покидала вотчину Вятского края на всеобщее обозрение уличных зевак, коих находилось тут немало. Каждый норовил скорее заглянуть за занавеску диковинного витиеватого экипажа, чтобы рассмотреть, кому на этот раз удосужилось сделать преждевременный отъезд, да и ещё и на солидном дилижансе, да в такую-то рань. Хотя узнать, кому принадлежит такой дивный экипаж, для всех не составляло никакого труда. Почтальон, не придавая никакого значения любопытству окружающих, мирно вёл своих гнедых по булыжникам городской дороги, которая вот-вот уже прекратит существовать, уступая место сухому усаженному грунту, и так до следующего губернского центра, где снова найдётся какой-нибудь добрый кирпич, выравнивающий уличные ухабы.

Пассажиры, располагались друг против друга, тесно обустроив по кругу собственные баулы и узелки, упираясь ногами под сидения соседа. Молодой студент Пётр Самарин пристально разглядывал проносящиеся мимо срубленные из брёвен серые строения, провожая глазами избёнку за избёнкой, пытаясь запечатлеть каждый изгиб деревянных домов в собственной же памяти. Лица людей самого разного сорта и деятельности мелькали тут и там, пропадая за тканевой шторой из виду, а затем, затухая, где-то позади, непохожими друг на друга голосами. Ни краснощёкий торговец баранками, ни худошавый засаленный дворник, ни важный чинный канцелярист или вальяжный пузатый полицмейстер, ни даже вислобокая торговка пирожками – никто не улавливал синеву глаз Петра сквозь зашторенные оконца почтовой брички. Он скромно прощался с городом. Он скромно прощался с родным краем.

Пётр не любил кричать, как и не любил показаться наигранным и не настоящим. Всегда стараясь молча пережить ту или иную ситуацию, он тихо мог стерпеть и умолчать, не выдав внутреннего преждевременного недовольства. Пришло это скорее из детства, когда мальчуган Петька, носился по городским просторам, забегая в самые закоулки ещё тогда не совсем

отстроенных улочек, теряясь среди столь же беспечной ребятни, которые устраивали шумную возню под ногами сердитых жителей. И случались тогда мелкие шалости, казавшиеся настолько весёлыми, что смех детворы разносился гулом и эхом по всей Вятке. Уронит ли уставший водонос вёдра, опрокинув воду прямо на тротуар, или растеряет вязаные корзины беспечная торговка – тогда мчатся все дети прочь, и смех их бежит, будто за ними. Соберутся после в укромном углу и не остановить, всё расскажут и покажут, как было. Потом родители всегда выдавали такую порку, что усваивалась шутка довольно легко и быстро, а Петру, который порой даже и не бывал в центре событий, попадало и того более всех. Он же всё терпел, и молча убегал в хлев, где никто его не смог бы найти и увидеть, и ревел, а потом долго начинал что-то думать, насколько это хватало трёхлетнему ребёнку, и только затем, вовсе забывая обиду, ковылял домой. С душевной улыбкой вспоминается всё сейчас, и с глубоким пониманием, а порой и сожалением, но время, тем не менее, шло своим чередом.

Вторым пассажиром был не кто иной, как сам профессор Борис Борисович Сапожковский. Старика уже давно не волновала вся мирская суета, вниманием своим он более был устремлён в собственные таинственные записки, которыми он вряд ли бы с кем-то когда-либо делился. Загадка Бориса Борисовича всегда будоражила умы молодых студентов, оставаясь вовсе никогда не разгаданной. Ему была точно не интересна вся эта академическая застенка и кафедральные выступления, хотя удавались они у него на славу, вызывая в самых тихих аудиториях к окончанию лекции бурные аплодисменты среди учащихся. Сапожковскому подавай живое исследование, экспедиции и путешествия. Он вырос в них, кажется, что возможно он и родился во время поездки, прямо-таки верхом на коне, да и сразу в путь. И сейчас, когда, наконец, удалось вырваться в дорогу, он с облегчением покидает собственные родные края, без каких-либо колебаний и сожалений. Но он всегда возвращался именно сюда на берега Вятки.

Вряд ли Борис Борисович ответил бы кому-то, почему он, так любя путешествия, возвращался всегда в своё старое забытое поместье, в котором уже давно не живут ни его родичи, ни его прислуга, некогда отпущенная им же самим на вольные хлеба. Скорее всего, никто бы и не осмелился спросить об этом. Сапожковский был воплощением великого и непоколебимого учёного. По крайней мере, так могла бы сказать добрая половина его научного окружения, но никто, конечно же, никогда этого ни себе, ни другим не признавал и даже не говорил об этом вслух.

Когда же стал вопрос о проведении скорой экспедиции, желающих набралось немереное количество. Каждому хотелось стать личным сопровождающим Бориса Борисовича в труднейшем переходе из сибирской тайги на алтайский Камень. Каждый грезил и сочинял целые истории, что вместе с профессором будут преодолены самые непроходимые горные перевалы и труднодоступные склоны, что любая бурная и ледяная речка не станет действенным препятствием на пути замечательных путешественников. Вся эта неразбериха могла наделать столько шума, что к экспедиции могли подключиться даже московские академики, если бы не твёрдый характер Сапожковского. Борис Борисович организовал самый настоящий отбор участников, среди которых он был готов избрать себе помощников. Не подходили ни завсегда и старших курсов, ни зелёные юнцы младших, отсекались любые гуляки и балагуры, самые ораторствующие и голосистые тоже с лёгкостью не принимались. Среди особенно усидчивых и довольно трудолюбивых Сапожковский разглядел нескольких претендентов, но сократил их количество только до троих, среди которых был и сам Пётр Алексеевич Самарин. Что говорить, а Борис Борисович был стоек и непреклонен. Двоих студентов он тут же сопроводил, узнав, что те на днях должны будут жениться. В пути обременённые семьёй помощники наведут только тоску и будут проситься домой, таково было твёрдое мнение заядлого путешественника, и он не мог подвергать собственную экспедицию подобной опасности и внезапному срыву. Так Самарин попал в замечательную компанию строгого профессора, естественно утаив свою недавнюю тай-

ную помолвку с дочерью одного родовитого вятчанина. Мера категорическая, но Пётр с возлюбленной обо всём договорился, и клятвы их верности они закрепляли поцелуями.

Ему нужна была эта экспедиция. Пойти на такую аферу вряд ли бы кому-нибудь удалось из всех студентов училища. Пётр своим преспокойным характером зацепил за душу Сапожковского, и возможно, не будь у тех двоих женитьб, то наверняка бы нашлась некая заковыристая причина, по которой Борис Борисович обязательно бы отказался от их услуг в пользу Самарина. Был ли он его любимым учеником? Наверяд ли, но вот его некоторые качества, его терпеливость и его непревзойдённый живописный почерк очень заинтересовали профессорскую голову.

Все дневники и все журналы путешествия естественно ввалились на Петра. Он должен был вести каждодневные экспедиционные записи, чтобы, в конце концов, подготовить итоговый отчёт о проделанном путешествии. Личные записи и наблюдения Сапожковского не входили в круг обязанностей юного помощника, поэтому записные книжки носились всегда при нём, а пометки по возможности оставались ежечасно. Благо бумажных кип хватало. Пётр, в самом деле, был влюблён в чистописание. Свой особенный почерк он формировал долгими зимними вечерами, когда затягивалась продолжительная леденящая стужа в светлом и тёплом родительском доме. Стоит отметить и заслугу его отца, некогда ссыльного, но оставшегося на долгое житейство в Вятке видного канцелярского деятеля. Ведь не будь он рядом, то юный студент наверняка нашёл бы для себя занятия поприятнее, чем бесконечные высидивания за старым столом у тлеющей лампы с мерцающим огоньком. Конечно, не будь и у него действительной заинтересованности к делу, то вряд ли бы вышло что-то дельное и красивое, что в итоге и получилось. Видимо эта любовь к чернилам и жёстким пожелтевшим листам передаётся по наследству, откуда-то из самых древних летописных глубин веков, когда словом на бумаге могли поделиться только монахи и церковники, если таковые бывали в его роду.

Так или иначе, но за кропотливое и трудное обучение в детстве судьба вознаградила Петра Самарина знаменательной встречей с профессором Сапожковским. Этим гением воплотил, который брался за дело, заведомо уже зная о будущем результате, не оглашая о том другим. Каких только не ходит о нём легенд в училище, все не перескажешь, а главное, что фантазия учащихся порой и не знает границ, одаряя Бориса Борисовича порой самыми чудеснейшими способностями какими мог бы обладать современный человек. Никто бы вовсе и не удивился, когда бы узнал, что Сапожковский сам царь-батюшка, прикидывающийся учёным стариком. А ведь некоторые даже об этом поговаривают, считая, что профессор некогда действительно имел отношение к царственной династии, да только отрёкся вовсе от престола в пользу наук. Можно было с лёгкостью даже поверить в таковой факт, ведь Борис Борисович обладал действительно необычайно притягательным обаянием и харизматической наружностью. Его белые седины, которые можно было приравнять по цвету с самым чистым горным ледниковым снежком, складно покрывали его лысеющую макушку, плавно переходя в дивную пушистую бородку, каких нельзя было встретить среди крестьянских душонок, а усы его укладывались очень ловким движением пальцев старого профессора, пронизывая воздушное пространство божественной грацией. Борис Борисович был художав, оттого казался весьма вытянутым человеком, при своём не достаточно высоком росте, а борода несколько удлиняла его подбородок, создавая некоторые резкие черты его и без того угловатого лица. Глаза всегда горели каким-то холодным огоньком его металлического взгляда, хотя он не отталкивал, а скорее заставлял чувствовать себя песчинкой рядом с ним. Он предпочитал носить бежевые брюки и бежевый жилет с многочисленными карманами, на всякий случай жизни, поверх белёсой рубахи, бурые кожаные сапоги и кожаные перчатки. На голове носил пробковый бежевый шлем, который некогда получил в дар от одного английского натуралиста, с каким имел давнюю дружбу. Рядом всегда держал свою фризую шинель, которую надевал только в холодную погоду.

Что касалось Петра, то юноша он был не столь завидной внешности, хотя и пользовался некоторой популярностью среди женского пола. Светлые волосы на голове вились кудряшками, а бороды с усами носить ему не приходилось, потому как те довольно плохо росли, что ему приходилось их подстригать совершенно гладко. Нос его был маленьким, как и сам он был небольшого роста. Что касалось его одеяний, то он вовсе не претендовал на почтённую академическую элиту с её официальностью и шармом. Бурые сапоги были уже потёрты, хотя и старательно ухожены, серые штаны изрядно потрёпаны, а бежевая рубашка застирана и практически потерявшая свой прежний цвет, превратившись в тусклый отдающий желтизной оттенок. Петра особо никогда не волновал его внешний вид. Самым большим опасением для Петра были дрожащие руки, которые могут испортить его искусный почерк, а второе, чего бы он не хотел, так это сказать что-то незаурядное и даже лишнее, что может обидеть другого человека.

Сейчас погода держалась по-летнему замечательная. Солнышко совершенно не напекло, жара ещё не брала верх над ветряной прохладой. Облака медленно проплывали над океаном зелёной растительности, окружающей практически весь продолжительный путь почтовых сообщений Вятской губернии. Добротные сосны, раскидистые ели, устанавливающие мир теней над таёжными землями, где-то встречаются целые осиновые массивы, безмолвно прорастающие, словно каменные колонны, а где-то поднимаются чёрно-белые берёзовые рощи с кудрявыми ветвями, радуя глаз путника своей зелёной теплотой.

Петру и здесь было всё знакомо. Домом его был не только Вяткинский городок, но и все эти заливные луга, цветущие поля и чудная лесная тайга, раскидывающая своё величие на тысячи вёрст вокруг. А не так давно он захаживал по этим живописным метам, изучая метр за метром, скорее больше из любопытства, чем из-за научного интереса, а может быть, причина прогулок была и вовсе совершенно в другом, ведь именно здесь порой они устраивали встречи вместе со своей возлюбленной невестой, прячась вдали от постороннего глаза под покрывалами гостеприимного леса. И глухое повторяющееся раз за разом «ку-ку» серенькой невзрачной кукушки казалось совершенно гармонирующим и таким прелестным звучанием, что кругом была голова, и земля уползала куда-то из под ног, отчего спиной начинаешь ощущать мягкую перину травяного ковра и в ноздри ударяет аромат неведомых цветов и спелых ягод. А рядом она. Светлая, улыбчивая, словно весна. Её необычайный образ сокрыт так глубоко в сердце, что никто никогда его там не разыщет, и даже сам профессор Сапожковский. На что, конечно же, и надеялся юный Петр.

Дилижанс тем временем совершенно не медлил, и уверенно преодолевал версту за верстой, унося путешественников вглубь сибирского континента. Путь предстоял долгий и совершенно не лёгкий. Пункт назначения на первом этапе – укрепление Бухтарминское, откуда путешественники начнут отчёт для экспедиционной кампании, где и находится тот самый таинственный Камень. Но чтобы добраться до назначенного места предстояло преодолеть около двух тысяч с половиной вёрст, сквозь леса, болота и горную местность, и всё время в одной и той же бричке. Сапожковский рассчитал на путь до Бухтармы с запасом в целый месяц, естественно с учётом необходимых остановок и пополнения запасов. Пётр прекрасно знал маршрут: через Пермь на юг к Троицку, а далее вдоль Казачьей Линии до Омска, от Омска до Семипалатинска и так до Бухтарминска. Путь не малый, но он должен стать для Петра чем-то совершенным.

Кучер, он же почтальон, был мужиком на вид самым простым. Бритое лицо, глубоко посаженные маленькие глазёнки. Был он из вотяков, справно служивших на государственной почте. Его, также как и Петра, мало забавляли излишние разговоры, и больше всего он интересовался лошадьми, постоянно находящиеся у него перед носом, а также качество дороги, по которой предстояло держать курс. Вдобавок ко всему, его просто наняли на временную службу, и заводить какое-то близкое общение с людьми высокочинными было бы несколько неправильным.

Дорога вела ровно, лишь изредка попадались весомые булыжники, которые с ловкостью кучер-почтальон объезжал, направляя тройку в нужном направлении, отчего естественно путников недурно сотрясало, хотя, казалось, даже это не могло сбить со своих мыслей Сапожковского. Он продолжал что-то упорно зачитывать в своей увесистой записной книжке, иногда чиркая карандашом какие-то необходимые и известные только ему одному заметки. На что Пётр совершенно не обращал ни малейшего внимания. Тишина его манила больше, чем пресловутая болтовня. Тем более что с таким человеком как Борис Борисович не может произойти никакая светская задушевная беседа, так, по крайней мере, думалось самому Самарину.

Распластавшись на сиденье, кое-как занимая удобную позу, среди наваленного склада вещей и почтовых коробов с корреспонденцией, Пётр продолжал рассматривать яркие краски природных красот. Мысли о родном доме не переставали его покидать буквально с первых же минут езды, а уже теперь, когда перед глазами стали мелькать видимо одному ему неизвестные деревеньки с перекосившимися крышами и с зарастающими мхом отсыревшими оградками, наводили какую-то чрезвычайную тоску, но такую не противную, а скорее больше окрылённую. Юный путешественник получил величайшую возможность и честь, и теперь оставалось наслаждаться.

Вот уже добрались до Слободского, а кругом совершенно ничего не менялось и оставалось всё тем же близким. Пыль прибывалась от тяжести колёс, поднимаемая бешеной прытью лошадок. Несколько часов пути позади и первая остановка была очень кстати. Путники наконец-то смогли размять затёкшие конечности, особенно Пётр, которому такие дальние поездки были в диковину. Но показывать свою утомлённость профессору он не посмел, поэтому ловко принялся помогать разгружать почтальону посылки. Сапожковский же уверенными шажками направился к станционному смотрителю, словно в гости к давнему знакомому. Двери распахивал сам, и скомандовал сейчас же принимать почтовый груз и запрягать новую тройку. Видно было, что Бориса Борисовича знавали и в этих местах, где задерживаться он не очень то и хотел. Хотя скорее это связано больше с его запланированными сроками путешествия. Ни одна минута не должна была быть потеряна. Всё приказанное профессором утвердительно было исполнено, и, заполучив дополнительной порции посылок, экипаж тронулся по прежнему курсу.

Снова пересекли плодотворную реку Вятку, скрипя ободками по ветхому мостику, кое-как перекинутому через тихие воды грациозной матери этого края. Нельзя было не проводить её взглядом. Свежий ветерок проносил сквозь кузов экипажа запахи сухостоя, сырости и свежей рыбы, переполняя окружение сладкой палитрой ароматов богатства этой земли. Будто на прощание покачнулся дилижанс, завершив переезд через мост, очутившись на другой стороне, где снова под колёсами оказался всё тот же приотпанный нескончаемыми переездами грунт.

Собственно, что касается самого дилижанса, то он принадлежал как раз самому Сапожковскому. Его же он для путешествия предоставлял на пользование почтовых служб. Личная карета авторской работы, видимо была одним из очередных подарков его приятелей из научных кругов. Изящные контуры и витиеватые изгибы, напоминающие фольклорную роспись узорами, на деревянных элементах, преображали её в чудо человеческого искусства, а металлические детали, начищенные до блеска, из дали можно было перепутать со сказочной колесницей. Такой транспорт вмещал в себя куда большее количество самой разнообразной поклажи, за именем дополнительного грузового вместилища позади кузова, называемого горбок, где по особым случаям на запятках размещаются гайдуки. Багаж размещался и на крыше кузова, аккуратно перетянутый старым брезентом и пенькой. При этом карета давала возможности экономии казённых денег, выделенных Академией на организацию экспедиции.

Дело подошло к обедне, и на очередной остановке путники заскочили в один из придорожных трактиров маленького поселения, видимо выстроенного именно здесь по специаль-

ному маршруту профессора не совсем зря. И после нескольких часов молчания Борис Борисович, наконец, развязал свой учёный язык.

– Сегодня пройдем ещё семьдесят вёрст и заночуем в посёлке Осокино. Там проживает мой хороший знакомый, он готов выделить нам две комнатухи на ночлег, а наутро снова направимся в сторону Перми.

Сказав это, профессор как всегда уверенными шагами вошёл в двери трактира, а Пётр ничего не найдя для ответа, просто молча продолжил своё движение вслед за наставником. Скромный трактир, без каких-либо лубочных прикрас, типичных для большинства местных избушек снаружи, оказался весьма уютным и добротным внутри, а также достаточно многолюдным в обеденное время. Толпы народа выстраивались в довольно длинные очереди для получения своей порции. Так же поступили и путники. Кучер при этом был отпущен до почтового отделения, чтобы снова сменить лошадей.

Место для остановки называлось посёлком Белохолуницким, где подавляющее большинство жителей работали на железодельном заводе. Приближаясь к посёлку можно было уже лицезреть небольшие одноэтажные домишки с покатыми крышами и высоченными трубами вздымающиеся из них, которые безостановочно курили коптильный дым, покрывающий лёгкой серой пеленой окружающие территории, с первыми дуновениями ветра тут же развеивающейся, словно после пробуждения, смывая муть из воздуха. Хотя крепостное право, как считается, уже отменили, сюда видимо эта новость доберётся ещё не так скоро, да и сами люди, давно привыкшие к тягостному труду и муштре, никак не переставали бросать своё непосильное бремя, продолжая выполнять титанические заботы во благо потребительской необходимости.

Здесь у трактирщика работяги получали свою порцию отдушины в виде куска хлеба и кружки чего-нибудь пенного, чтобы после снова коллективно приступить к обслуживанию доменных печей, вагранок, кричных горнов, слесарных, мельниц, кузниц и лесопилок. Посёлок жил благодаря заводу и каждый искренне любил своё дело, приступая к нему неустанно.

Гвалт стоял оглушительный. Чумазые мужики с потрёпанными бородами вели галдёжные речи между собой простецки толкаясь и бранясь понятными только им шутками. Их угрюмый вид с нахмуренными бровями легко перекликался с простецкими повадками, словно за личиной страшного бирюка скрывается на самом деле мало дитя. Но все они были люди взращённые в суровых условиях на чёрствой земле, где только через тягость физического труда, можно добиться чего-нибудь для себя ценного, оттого возможно все эти токари вовсе потеряли самих себя. При виде гостей толпа постепенно потеснилась, растерянно тупив взор куда-то на сапоги вошедших путешественников, услужливо уступая свою очередь. На что одновременно получили отказ от Сапожковского, который примкнул к всеобщей группе ожидающих свою порцию. Пётр поступил аналогично, несколько неуверенно повторяя движения профессора, будто это было весьма обязательным. Этот жест со стороны профессора был принят одобрительно, потому ещё большая суровость на лицах рабочих быстро преобразилась точно в детскую дружелюбность, которой обладает абсолютно всякий ребёнок.

Приближаясь к стойке, за которой укрывался маленький трактирщик, ловко выдававший со своим более крупным помощником одинаковые заказы, усиливался аппетит от всевозрастающего кухонного духа. Пареные овощи и жареная рыба заполнили собственным чадом всё компактное помещение трактира до потолка, делая похожим его на парилку.

– Чего изволите? – несколько любезно спросил трактирщик, как только профессор сравнялся с его приземлённой фигурой. Годы видно были суровы с этим малым, грубое морщинистое лицо наполовину поражено параличом, всклокоченные усы и борода возмещали недостаток волос на его блестящей лысине, а нос тяжёлым набалдашником выпячивался вперёд, загибаясь очень хватким крючком. Тем не менее, грозный вид свой трактирщик весьма облагораживал добродушным голосом и приветливой улыбкой, какую он едва мог изобразить от

неподвижности правой стороны огрубевшей щеки, а глаза его выражали некоторую глубину пожилого опыта с блеском голубого оттенка.

– Нам, пожалуй, всё, как и всем, – лаконично отвечал профессор, едва видимо подмигнув старику, что естественно смог подметить Пётр, немного вопросительно посмотрев на Сапожковского. Борис Борисович в свою очередь с лёгкой подачи вынул из одного своего жилетного кармана металлическую монету, расплачиваясь за выдаваемые розовощёким помощником тарелочки с наваристой ухой и краюхи ржаного хлеба, а также выкатывались две кружки хвойной настойки, которые мигом разбавили душистым дурманом свежих иголок местные кухонные изыски.

– Желаете оставаться на ночлег? – непринуждённо продолжал вопрошать трактирщик, облокотившись на буфетную стойку и снова перекосившись в свойственной ему улыбке.

– Вынуждены отказать, – отвечал Сапожковский, потирая руки платком – Но мы надеемся, что хозяин разделит с нами трапезу.

Петр поймал себя на мысли, что профессор и трактирщик, видимо, давние знакомые. Их переглядывания напоминали общение старых приятелей, которые после долгой разлуки затевают игру в незнакомцев. Хозяин заведения в свою очередь весьма ловко соскочил со скамьи, которая позволяла ему быть чуточку выше, и вышел из-за стойки в общую залу. Теперь он стал на голову меньше и, поравнявшись с путешественниками, поднимался максимум до груди Петра, который ростом был едва более семи вершков от двух аршин. Слегка прихрамывая, скорее даже ковыляя ногами, Петр заметил, что его увечья не врождённые, и видимо были получены очень давно после какого-то несчастного случая, о котором он вряд ли бы мог спрашивать незнакомого человека. Сняв запачканный белый фартук, трактирщик бросил его на ближайшую скамью и кивком головы указал гостям следовать за ним и прокричал при этом видимо кому-то из своей прислуги или может быть жене:

– Хавроша, смени на раздаче!

Хаврошу увидеть не успели, потому что хозяин постоянного двора пригласил профессора и его помощника в соседнее помещение. Оставляя свой обед на полового слугу, который тот начал водружать на поднос, все трое покинули общий зал, скрываясь за дубовой дверцей, где оказался достаточно узкий, но очень высокий коридор с лестницей на второй этаж, которая поднималась к аналогичной двери с противоположной стороны на втором этаже. Ступеньки оказались посильны для трактирщика, и он, опираясь на перила с обеих сторон своими могучими руками, очень скоро взобрался наверх, ожидая путешественников уже там. Очутившись в другой комнате похожей на чердак, Пётр почувствовал совершенно иные ароматы, нежели на первом этаже корчмы. Запахи старых отсыревших тряпок, обветшалой древесины и древних стопок бумаги, которые, видимо, уже рассыпались в труху, и скорее напоминали о погребке, чем о чердаке, но здесь, в тоже время, было слишком светло без зажжённых ламп благодаря довольно широким окнам прямо под покатым потолком, в отличие от тёплого, но тусклого искусственного освещения снизу. Солнечные лучи ударили так резко, что глаза, только привыкшие к тени, ощутили лёгкое покалывание, к счастью быстро прошедшее.

Трактирщик указал на стоявший в середине аккуратный стол, такой чистый и ухоженный, что он создавал очень заметный контраст со всеми его окружающим историческим мусором. Сапожковский и Самарин уселись на столь же начищенные стулья с витиеватыми спинками. Половой тут же подскочил откуда-то сзади, манерно накрывая на стол заказанные гостями блюда, напомнив о кухонном аромате, который, кстати, очень въелся в белые одежды мальчика-слуги. Напротив за стульчик повыше уселся и сам трактирщик, также не обделённый тарелкой кислых щей, совсем ещё горячих, что парили они буквально как самовар.

Пока половой мальчишка раздавал съестное, Пётр продолжал осматривать затхлую комнатушку, в которой вдобавок оказалось ещё и очень душно от постоянно обогрева солнечного света из стеклянных окон в крыше. Куча хлама, разложенного в беспорядочные рядки и по

деревянными ящиками и корзинам, напоминали о старом добром прошлом их владельца, но скорее служили больше службу самого обыкновенного пылесборника – к ним явно не прикасались уже минимум как год, а того и больше. Что за загадка с этими никому уже не нужными мундирами, знамёнами, лентами и медалями, цветными вексельными и благодарственными письмами. Инструменты – молот, кирка, клещи и головка топора без топорика – выставленные в углу, давно почернели и покрылись бугристым слоем ржавчины, а гвозди вываленные в деревянные короба слиплись в единый рыжий комок. Здесь можно было найти и расписной сундук, запёртый тяжелым подвесным замком, и явно, что ранее его заменял более миниатюрный и аккуратный замочек, придающий лёгкость и невесомость, вопреки нынешней громоздкой образине.

– Так вы по какому-то срочному делу? – поинтересовался трактирщик, не спешивший приступать к собственной тарелке щей и, как прежде за буфетом, облокотившись на столешницу.

Разговор мог бы начаться прямо тут, но Сапожковский не спешил переходить к беседе, сославшись на мучивший его голод, тем самым больше внимания уделяя тарелке супа, чем занимался и Пётр, которому действительно уже не мешало бы и подкрепиться. После опустошения тарелок и кружек, профессор поинтересовался прежде ещё и о делах трактира, на что трактирщик сухо отвечал, что всё идёт, как идёт и богатства здесь ждать неоткуда. Лишь только тогда Сапожковский ответил и на вопрос собеседника:

– Мы направляемся на юг с очень важной миссией, – профессор очень любил несколько выдерживать многозначные паузы. Его уверенная интонация и ровный голос могли бы загипнотизировать абсолютно любого. Каждый раз, когда он говорил, его хотелось слушать снова и снова, но происходить это могло на самом деле не часто. Сапожковский всегда знал, в какой момент и что должно сойти с его уст, потому слова попадали только в цель – И очень нуждаемся в вашей помощи, – добавил он затем, смотря прямо в голубизну глаз трактирщика, в которых читалась непомерная тоска, сменяющаяся задушевной радостью, точно как бывает у людей старых и ворчливых, но искренне добрых.

– Что ж, – рассмеялся трактирщик – Боюсь весьма огорчить, но возможно ли такое, чтобы вы нуждались в услугах калеки? Моя гостиница в вашем распоряжении, но что же могу я ещё? Право, хотелось бы послушать.

Сапожковский, прежде чем продолжил, одобрительно кивнул головой в знак какого-то почтения или понимания. Можно было даже увидеть некую таинственную улыбку, пробежавшую мельком по его прежде не столь эмоциональным губам.

– Не стоит себя ограничивать в ваших непомерных возможностях, – проговорил в ответ профессор – Знаю, что многие люди приходят к вам за помощью или советом, чем вы очень легко делитесь. Потому хочется спросить, известно ли вам что-то о месте, именуемом как Камень? – вопрос профессора весьма удивил трактирщика, что тот немного замешкался, чего Сапожковский вежливо замечать не стал, складывая тем временем пустые тарелки на поднос.

– Думаю, что здесь каждый что-то знает о Камне, – ответил хозяин, словно вопрос его никак не касался, а далее его тон был таков, что казалось он говорит какие-то общедоступные всем вещи – Люди живут там прекрасно и у них появилась такая возможность туда вырваться. Чего желаю каждому добросовестному человеку. Подробностей здесь немного. Но на что вам знать о Камне?

– Для краткости, эти земли нуждаются в изучении, – продолжил профессор, словно упуская вышесказанное трактирщиком, пытаясь аккуратно выдавить из него информацию – Но нам стало известно, что есть люди, которые осведомлены куда больше, чем весь научный мир и даже географы. К таким людям можно отнести и вас, многоуважаемый мой...

– Прости, друг, – лицо трактирщика явно поменяло свой былой грозный вид, и с некоторым сожалением он продолжил – Не могу помочь. Дело не в самом Камне. Зачем, таким как

ты, туда соваться? Представь, что будет потом! – в своём внутреннем возмущении трактирщик даже развернулся полу-боком, слегка покачиваясь взад и вперёд словно от некоего нервного напряжения.

– Ты помогаешь другим туда проникнуть. Почему не хочешь помочь мне? – разговор явно поменял свою направленность. Сапожковский и трактирщик, как старые знакомые, начали оспаривать каждый своё мнение – Что здесь, что там чувствуется разрозненность между народами, которая словно пропасть проходит по границе Камня, но существует возможность соединить мостом два наших мира.

– Не уговаривай, Борис, – настаивал на своём трактирщик, левая часть губы которого начала подёргиваться – Этот мост разрушит один из них. И очевидно, что разрушенным окажется Камень! Здесь нет места добру, так пусть оно останется хотя бы там!

Петру оставалось только молча слушать этот странный диалог. Профессора и владельца трактира связывало некое прошлое, о котором ни тот ни другой возможно не хотели говорить при посторонних, вспоминая былые свои встречи или истории. Юноша ловил себя на мысли, что трактирщик тоже был некогда путешественником или даже коллегой-учёным из Академии, по каким-то причинам переставший с ней иметь связи. Его увечья наверняка имеют прямое отношение к делу. Самарин не мог этого знать, но нечто внутри ему подсказывало, что трактирщик всю свою жизнь связал только с Камнем.

– Столько лет уже потрачено впустую, – продолжал трактирщик – Каждый облюбованный аршин завоёвывали и отбирали на нужды заводов! Они и сейчас там, Борис! Строят, жгут, рубят! Роят землю, крошат скалы, горы не потерпят нового наплыва колонизаторов, которые выжмут все соки из этой чудной страны. Камень погибнет, если там будет нога цивилизации.

– Что ты такое говоришь? – весьма удивился профессор – Речь ведь не идёт о колонизации или расширении территории. Это изучение, это знакомство народов с их же землёй. Но как ни как, Камень пока что остаётся закрытым...

– Так пусть же он останется таким навечно! – неожиданно выпалил трактирщик – Пойми, Борис. Я знаю, что ты прекрасный человек и твои мысли скачут всегда где-то впереди мыслей всех остальных и вечной славы тебе не миновать, но оставь это дело. Камень не место для изучений. Люди ещё не готовы. Пусть всё идёт своим чередом, и пока никто не интересуется этим местом, оно будет процветать. Там хватает своих знатоков, хватает и таких, кто мог бы мог раскрыть все секреты, о каких не догадывается весь мир! Если на то будет их воля, они ещё расскажут о себе, но только сами и ни с чьей либо помощью.

– Если будет угодно, – говорил профессор – То о Камне давно знают на верхах и готовят действительно серьёзную кампанию по освоению земли.

– И мы не сможем их остановить, – утвердительно проговорил трактирщик, принимая весьма непонятную позицию – На всё воля Всевышнего. Сейчас мы имеем шанс сделать маленькую отсрочку, тогда, может быть, беды минуют тот край, а власти пресекут свои амбиции. Народ идёт туда и будет ходить, но они берегут всё то, что им дорого, а всё другое им и не важно. Мы открываем дорогу людям нуждающимся, людям которые потеряли свой кров, тем, кто хочет начать новую жизнь. Что хочешь ты, Борис? Исследовать? Да, это прекрасно, но эти исследования получит какой-нибудь сомнительный чиновник, сделавший очередной подсчёт своей будущей прибыли от приезда на такой лакомый кусок, где-то у краешка его государства. Мы этого не поддержим!

– Так или иначе, – добавил Сапожковский, будто бы подытоживая, и взглянув мельком на Петра, словно говоря уже вовсе не с трактирщиком – Экспедицию отменять я не намереваюсь. Мы будем там. С твоей помощью или без.

– Я не стану тебе препятствовать, Борис, – с сожалением отреагировал трактирщик, добавив при этом ещё свою порцию размышлений – Твоя работа это знания, это вечные поиски чего-то, что станет твоей вершиной, откуда ты сможешь осмотреть этот мир свысока! Но есть

вещи, которые до поры до времени нам ещё не стоит познавать! – на что профессор улыбнулся теперь уже без всякого сдерживания, ответив:

– Определённо, мой друг! Только ждать этой поры придётся слишком долго. А мы итак уже засиделись.

Сказав это, Сапожковский вырос в всю свою статью, поднявшись из-за стола. На что трактирщик, так и не притронувшийся к своей тарелке, окинул его каким-то печальным взглядом, но сам с места подниматься не стал, а, скрестив руки на груди и приподнимая свою нижнюю припухлую губу, тупил взор, вовсе не пытаясь что-то рассмотреть, уставив его, как это бывает, просто в никуда, пока профессор картинно жестами начал просить Петра покинуть вместе с ним помещение.

Пётр, последовав бессловесным указаниям своего наставника и поблагодарив хозяина, также как это смог бы сделать самый обычный мим, снова ступил в узкий коридор со ступенчатой лестницей, возвращаясь в харчевню, словно в какую-то берлогу. Трактирщик неподвижно оставался позади, где-то наверху в своей тайной комнате прошлой жизни, а Сапожковский, гордо приподняв голову и широко вышагивая по скрипучему полу трактира, покинул вотчину своего неназываемого, вероятно близкого, друга. Каково было профессору – неизвестно. Он все переживания и думы также молча закапывал внутри себя, как это обычно делал и сам Пётр, у которого хоть и возникло масса вопросов после столь необычайной беседы двоих возможно самых загадочных для него людей, но эти вопросы так и остались не озвученными.

Глава вторая

Тройка уже была сменена, а кучер довольно и смиренно восседал на козлах, вероятно также накормленный где-то у станционного зрителя. Даже по его глазам можно было понять, что он изрядно вздремнул, благо не добавил какого-нибудь горячительного, потому что в таком случае Сапожковский наверняка велел бы сменить возничего. Сами путники, достаточно быстро оказавшись на свежем воздухе, снова ощутили живой солнечный свет на своих сытых лицах, который тут не так искусственно прогревал как на чердаке трактира. Рассевшись по местам, теперь уже в кучах собственных вещей, Пётр снова бросил прощальный взгляд на скромный, но уютный трактирчик с его таинственным хозяином и теперь уже опустевшими залами – все рабочие разошлись по своим местам, со своей судьбой и загадочной, а может и не очень, историей. Завод так же был на виду, справа стороны на берегу реки Белая Холуница, которая и дала название посёлку, до этого пересекаемая каретой путешественников уже два раза. Она же питала своими водами самую неповторимую Вятку, растекающуюся на несколько вёрст по всем округам губернии.

«От малого всегда происходит великое» – так говорил на своих лекциях сам Сапожковский, и Пётр прибегнул воспользоваться именно этой фразой сейчас, только мысленно, глядя на профессора, который по обыкновению вернулся к своим книжечкам, продолжая свои невозмутимые зачёркивания карандашом и шуршащие записи.

Преодолев переправу через тихую Шелепиху, впадающую в Белую Холуницу, там, где образовывался запруд перед заводской плотиной с работающими водяными мельницами, путешественники оставили посёлок позади и вступили на очередную тропу между густой порослью вечно зелёной тайги с её великолепными соснами и елями. Чистый воздух и благоприятная ясная погода, особенно после доброго обеда в равномерно раскачивающемся из стороны в сторону экипаже, очень скоро начали убаюкивать Петра, отчего он на некоторое время задремал, упуская возможность увидеть в пути ещё один подобный Белохолуцкому посёлок Климовский с его чугунолитейным заводом и столь же невозмутимым народом.

Смешанные мысли о первом путешествии, об ореоле загадки вокруг её цели, самый необычный разговор между трактирщиком и академиком – всё это наваливалось невообразимым комом в голове юного путника, вызывая бурю беспокойства и недоумения. Всё, что можно было только представить и нафантазировать, всплывало дурными видениями прямо у него перед взором, а когда глаза, наконец, сомкнулись, можно было и не надеется, что такое количество информации не выльется в самый невообразимый сон, который, к сожалению, в мгновение ока будет забыт, растворившись в мире явном.

Следующей остановкой был посёлок Чёрнохолуницкий, где почтальон, разгрузившись и напоив лошадей, направил их в дальнейший путь. Пётр, пробудившись, неожиданно уловил себя на той мысли, что он продолжал спать, поскольку неожиданно с ним заговорил профессор, как уже сегодня произошло тогда, перед входом в Белохолуцкий трактир, совсем уж разокровенничавшись о дальнейшем развитии путешествия.

– Что ж, дорогой друг Петро, – начал было он, совершенно отложив в сторону все свои дела с бумагами – Дело идёт к вечеру, и последующую ночь, как я уже говорил, мы проведём в гостях у одного моего очень хорошего знакомого в посёлке, имеющем название Осокино. Но, забегая вперёд, хочу заранее тебя осведомить, чтобы ни слова не было сказано о нашей с тобой экспедиции. Дело на самом деле серьёзное, – профессор сделал некоторую паузу, несколько призадумавшись и слегка наклонившись, будто собираясь говорить даже шёпотом нечто совершенно засекреченное – Друг находится в некоторой степени не в достаточно здоровом состоянии и я не хочу подвергать его опасности отправиться вместе с нами на Камень, а он обязательно изъявит такое желание, – на лице Сапожковского блеснула улыбка, настолько светлая и

тёплая, что Пётру только оставалось молча кивнуть в знак понимания и согласия – Он очень гостеприимный, и мы достаточно передохнём после целого дня езды, но возможно это будет единственный приют, в котором нам удастся вдоволь отдохнуть. Впереди Пермский университет, где мы получим официальные полномочия по поводу экспедиции. Ах да, – профессор сделал движение пальца перед собой – Академия предоставит финансовую поддержку и нам дополнительно придётся вести корреспонденцию Русского Географического общества. Думаю, что ты справишься, – добавил профессор, после чего снова озарился сердечной улыбкой, при этом подмигнув Петру, как давнему приятелю – Затем мы отправимся в Златоуст, с заездом в Кунгур, а далее наш путь будет лежать в сторону Троицка, где мы, наконец, обеспечим себя запасами провианта и проводниками вплоть до самой Бухтарминской.

Новость о дополнительной нагрузке по написанию заметок для Географического общества весьма взбудорила юного помощника. Такой чести мало кто удостоивался, а уж тем более молодой и неопытный путешественник как Пётр. Конечно он прекрасно понимал, что основные лавры славы будут в пользу великого Сапожковского, но имя Самарина также будет удостоено благородного звания личного корреспондента знаменитого профессора. Пётр вовсе не боялся, что не будет первым, ведь быть рядом с первым дело намного труднее, серьёзнее и ответственнее. Это естественно никак не могло его остановить и напугать.

Покинув Чернохолутинский, экипаж оставил за собой очередной мирок с кипящей жизнью железодельного завода с его всюду похожими серыми строения с высоченными трубами, клубящимися отравительный дым, вовсе не страшный для этих могучеруких богатырей, таскающихся с горами металла и руды. До Осокино оставалось около тридцати вёрст пути. Дорога никак не изменилась, стелясь под копытами и колёсами замесом запорошённого пылью и песком грунтом, но видно было что объезжали её крайне редко. Сон уже не тревожил никого из путников, и Пётр вряд ли смог бы уснуть ещё несколько часов после речи профессора. Мысли снова ушли куда-то внутрь себя, снова какие-то поиски и смысловые придумки. День ещё не прошёл, а вроде уже столько всего произошло. Экспедиция, таинственный трактирщик, откровения профессора, Географическое общество. Что же будет впереди? И ведь вроде бы всё это происходит как-то вокруг юноши и не совсем с самим Петром. Он как сторонний обыватель, наблюдающий за происходящим, словно зритель в театральной пьесе, которая разыгрывается прямо здесь и сейчас. Об этом можно было только мечтать.

Так думать Пётр мог себе позволять не долго, ведь ему приходилось начинать вести путевые заметки, и подобно профессору, который никак не изменял своему любимому делу, принялся за написание первых строчек текста в блокноте, который возможно войдёт в историю, как особенно важный документ для российской и мировой общественности. Карандаш очень легко шёл по жёлтым листам бумаги, очерчивая каждую букву особым узором и знаком отличия. Искусство написание текста – это высшая степень мастерства любого автора. Пётр, при оформлении каждого нового слова, чувствовал себя истинным художником, работы которого определённо удостоятся стать совершенным произведением в одном из музеев мира. Любовь к своему делу и особенная старательность приводили молодого корреспондента к настоящему возвышенному чувству эйфории. Слово за словом, текст за текстом и ничего лишнего, только важнейшие детали путешествия, чётко разложенные по полочкам. Время, место и событие – всё это конспектировал юный помощник Сапожковского.

Солнце постепенно двигалось к закату, скрываясь где-то за густой далью обширного леса. Темень незамедлительно окутывала окружающую тихую глушь, наполняя пространство пробуждающейся живности дикой природы. Можно было вполне наткнуться на любых представителей животного царства и попасть в весьма неловкое положение, на случай, если ими окажутся какой-нибудь изголодавшийся медведь или вездесущая волчья стая, а может быть и вовсе свирепый кабан. Пётр прекрасно помнит свою первую встречу со свирепым вепрем, который в своей силе и безумии не мог уступить никому из хищных представителей леса. Что двигало

этим огромным шерстяным чудовищем, бороздящим сугробы, словно царственный фрегат океанические воды, ещё тогда совсем маленький Петр ответить вряд ли мог. Единственное, что он сумел сделать, так это укрыться в одном из сарайчиков, наблюдая, как тот крушил в щепки охотничью делянку, и, если бы не подоспевшие мужики, сумевшие одолеть яростного зверя, то никто бы не знал печального итога той ключевой встречи мальчика и кабана, изменившей всё его отношение к живности. Благо в этой местности они встречаются крайне редко, ввиду обитания в более южных районах, где они могут свободно питаться своими излюбленными желудями и кореньями.

Впереди показались очередные крыши домов. Поселение было явно больше предыдущих, рассыпаясь многочисленными избушками вдоль почтовой дороги. Разрастаясь довольно ветвистыми сетями не имеющих какой-либо разметки улицы, терялись в глубине обжитого местечка, где люди зажигали ночные огоньки. То и дело встречались крохотные компактные компании молодых людей. Юноши и девчата, все ровесники Петра, распеваящие задушевные песенки, покидали придорожные кабачки и направлялись в сторону отчего дома, завершая нынешний день. Пётр смотрел на всё это, призадумываясь и вспоминая, что вот также шли молодцы с девицами по Вятке и гуляли на всю широкую улицу, горлопаня частушки и вытанцовывая самые невообразимые плясы, но, как и тогда, так и теперь, оставался он в стороне. И не были эти думы омрачены огорчением или сожалением. Они просто были, всплывая в памяти картинками, от которых не возникает обычно чувств, вызывая туманные наплывы, словно в мираже. И была там же она – его муза – воспевавшая таким чудным голосом, что тут невольно даже сквозь время подступает неконтролируемая улыбка и те чувства, которые не возникли бы никогда раньше.

И вот, проезжая всё глубже и глубже в посёлок, вырос перед экипажем довольно обширный дворик, занимающий не столько живописное, а сколько видное место в самом центре поселения прямо на холме с значительно громоздким двухэтажным теремом, с такой интересной резьбовой выделкой, какой её можно было разглядеть под самый поздний вечер. Тройка свободно въехала в распахнутые ворота, под чутким руководством профессора, который сообщил кучеру нужный для остановки дом. Внутри дворик был очень чистенько прибран, за что можно с величайшим почтением поблагодарить местного дворника, который выполнял свои обязанности на ура. Каждая вещь находилась на своём месте и вписывалась в деревенский антураж, как будто бы всё это было тщательно продуманная декорация для выступления актёров, коим себя почувствовал здесь Пётр. Людей вокруг не было, что создавало дополнительной принцип окружающей искусственности. Не было здесь и никакой домашней живности, которая по обыкновению должна вольготно расхаживать из одного угла в другой, чтобы выбрать себе лучшее по погоде местечко.

Вещи не разгружали, оставляя всё как есть, в дилижансе. Почтальон ловко распрягал тройку, чтобы увести лошадок к ближайшей станции, которая, как оказалось, была здесь совсем недалеко, буквально через дорогу. Сапожковский одарил мастеровитого кучера доброй монетой и вместе со своим помощником направился в сторону прилежного крыльца с роскошным козырьком, украшенным выделкой и подпираемым волнообразными колоннами. Наконец появился и хозяин всего этого тихого владения.

– Борис Борисович, моё почтение! Вы, как и прежде, весьма пунктуальны. Прибыли в тот самый обещанный день и час! Bravo! – послышался весьма приятный голос прямо с порога, после чего показался и сам говоривший человек. Это был пожилой мужчина, вероятно того же возраста, что и профессор, только выглядел он не столь свежо. Кудрявые волосы лысеющего старика торчали на затылке в разные стороны, принимая причудливые формы, отчего голова становилась больше похожей на полуразвалившееся гнездо. Одежды его были измяты и представляли собой замызганные брюки и длиннополую рубаху. Хотя при всей своей неопрятности хозяин солидного двора нисколько не отталкивал внешностью, а скорее даже притягивал, осо-

бенно это касалось лучезарных маленьких глазёнок, которые венчали круглые окуляры, установленные на вытянутом вперед носу – И конечно ты прибыл со своим замечательным племянником! Мишата, как давно я тебя не видел! Ах, как ты вымахал!

Пётр понял, что приятель профессора явно принял его за кого-то другого, но совсем не понимал как себя вести в такой ситуации, учитывая, что Сапожковский навёл итак слишком много загадочности в свою экспедицию, и любое неловкое слово могло просто нарушить всю последовательную цепочку, которую тот сплетал. А сказать что-то было нужно, потому что гостеприимный хозяин чудного дворика начинал приближаться с распростёртыми объятиями прямо к Петру, отчего у него возникло ещё больше негодования от складывающегося обстоятельства. В горло быстрыми темпами всё пересыхало, а глаза невольно начали искать ответа на вопросы где-то в совершенно безответном воздухе. Но спасительный голос Сапожковского словно сокрушающий меч остановил сцену негодования, умиротворив пыл своего приятеля, соскучившегося по до селе неизвестному племяннику профессора.

– Остановись, Фёдор, это вовсе не мой племянник, – проговорил он, и будто ни в чём не бывало, перекинув ляжку своего походного портфеля через плечо, направился внутрь дома, совершенно чувствуя себя его владельцем, добавив при этом – Идёмте внутрь, нечего там стоять.

– Как неловко получилось, – расплывшись в сияющей улыбке, прошептал приятель Сапожковского – Идёмте, идёмте! – жестом, завлекая Петра к порогу, добавил он – Исправимся сию же минуту, молодой человек. Чувствуйте себя как дома!

С Петра словно слетел какой-то невыносимо тяжеленный груз, свисающий прямо в районе грудной клетки. Ощущение недосказанности не переставало его преследовать и попадись он вновь в подобный конфуз, то, наверняка, выпалит что-то чего совершенно не нужно и говорить. Пётр даже поймал было себя на мысли, что он сейчас начнёт обниматься с этим незнакомым человеком, говоря, что «очень рад его снова видеть», что он действительно тот самый Мишата, о котором тот и подумал. Что бы случилось тогда, вряд ли теперь можно и узнать, но Петра вовсе не покидала такая мысль, если эта оплошность вдруг случилась, тогда бы пришлось краснеть перед профессором и его другом, сочиняя самую нелепейшую историю из фантазийной жизни от лица человека, о котором совершенно ничего не знаешь. И эта проклятая секундная пауза, так тянущаяся между слов, особенно в такие ответственные моменты. Всё обошлось – это к лучшему.

Юноша, придя, наконец, в себя, последовал за весьма манерным приятелем профессора, который придавал каждому своему движению какой-то невообразимо лёгкий шарм, словно он не шёл по скрипучим половицам, а прямо-таки парил над ними, не издавая ни малейшего звука, чего нельзя было вовсе сказать о самом Петре. Переходя порог, доски под ногами закрипели так, что можно было даже подумать о сейчас же проваливающемся полу, но благо пол в действительности оказался крепок, а Петру удалось очутиться в помещении светлом и просторном, даже скорее похожим на музей, но в миниатюре. Дом в целом и состоял из этого большого гостиного помещения и нескольких комнат на первом и втором этажах над ним и в противоположной стороне от входа, если проходить далее по постеленной новенькой ковровой дорожке цвета бордо. Жилище внутри не было организовано богатыми атрибутами и аксессуарами, но небывалая чистота подчёркивала особенное прилежание хозяйской особы. Вещей вокруг тоже доставало не везде. Где-то отсутствовала ручка на двери шкафа, где-то не было спинки на стуле, а на одной из тумбочек располагалась шахматная доска всего лишь с пятью стаунтоновскими фигурами королём и пешкой белых и королём, слоном и ладьёй чёрных, так и оставшимися в одном положении с каких-то незапамятных времён, но почему-то протираемые изо дня в день до сверкающего блеска, что было заметно даже теперь, когда они освещены от ламп с искусственным хрусталём.

Продвигаясь дальше внутрь дома, вдоль всё той же дорожки, Пётр очутился в не менее светлой и ухоженной столовой, одновременно используемой как кухня, где располагалась только недавно отбеленная печь, натопленная под вечерок. Стол по центру был уже накрыт. Праздничная скатерть с цветочно-яблочными мотивами чудно окаймляла обилие съестного, обещающего весьма душевное чаепитие. Пирожки, блины, мёд в бочонке, червлёное брусничное и лиловое черничное варенье, кедровые орешки, миндальные печенья, душистая шарлотка с пылу с жару, а ещё буханка хлеба, тарелка с икрой, блюдо со сливочным маслом, кувшины с водой, квасом и вишнёвым компотом, были здесь и чаша с жареной форелью, и целая кастрюля пареных раков. Венцом всего этого был сияющий медью и пышущий кипенным парком гордый самовар.

– Располагайтесь, гости дорогие, – вторил, как и прежде, хозяин чудного жилища, хлопоча на кухонной стороне комнаты и готовясь подать на стол ко всему свежих огурцов и зелени. Сапожковский при этом без всяких пожеланий приятеля чувствовал себя как дома и, сняв свой бежевый жилет и засучив рукава, готовился трапезничать, добавив при этом:

– Петро, присаживайся! Нужно будет хорошенько подкрепиться.

Пётр не стал сопротивляться и повиновался словам профессора, принимая гостеприимство некоего Фёдора и своё собственное желание отужинать. Омывшись в приготовленном сосуде с чистой прохладной водой, юноша занял место за хозяйским столом, подобно своему наставнику, хотя и несколько шатко и неловко, принимаясь за еду.

– Борис Борисович, надеюсь, познакомит нас с таинственным путником, – не унимался при этом старый приятель.

– Ах да, конечно, – будто бы совершенно позабыв, молвил профессор – Фёдор Вильгельмович, разрешите представить вам моего юного помощника Петра Алексеевича Самарина – при этих словах, Петр застенчиво кивнул головой в сторону расплывшегося в сердечной улыбке приятеля Сапожковского, сам же профессор продолжал – Весьма интересный молодой человек, которому предвидится замечательное будущее государственного деятеля и образчика наук. Добросовестный и прилежный студент, думаю, что каждому придётся по душе его особый художественный почерк.

– Ах, браво! Нисколько не сомневался в твоих организационных вкусах и предпочтениях, – восхищался Фёдор Вильгельмович – Ты всегда держишь при себе особенные личности и можешь ведь подобрать компанию по душе. Браво же! Браво! Борис Борисович! Пётр Алексеевич! – поклонился каждому тот.

– Собственно, – продолжил Сапожковский, будто совершенно не обращая внимания на реверансы своего приятеля – К нашим услугам талантливый исследователь, опытный путешественник, картограф, геолог, биолог, художник, член Русского и Берлинского географических обществ, член-корреспондент Императорской Санкт-Петербургской академии наук и почётный член Стокгольмской академии наук, замечательный друг – Фёдор Вильгельмович Кваг!

– Моё почтение! – с ещё большим воодушевлением возбудился от услышанного хозяин. Казалось, что он окрылён словно юнец, что перед Петром человек явно несовершеннолетний, который точно влюбился в какую-нибудь особу, но так застенчиво это скрывающий, и каждое слово может его то возвысить, то ранить – Борис Борисович, это потрясающе! – продолжал он – Такие прекрасные слова ещё не слышал ни один достойный практик. Браво! Браво!

Пётр невольно заулыбался, особенно когда увидел радость на лице непробиваемого профессора. Камень неловкости на душе, словно совершенно растворился, и новоиспечённый гость чувствовал себя уже так же вольготно, как и двое старых приятелей, устроивших спектакль из маленького знакомства. Но эта игра не была игрой, это было самое натуральное общение, без прикрас, без фальши. Как оказалось и Борис Борисович и Фёдор Вильгельмович были в действительности два повзрослевших ребёнка, которые спустя какое-то время снова увиде-

лись и начали дурачиться, как и прежде. И Пётр не чувствовал себя здесь лишним, он был частью этого интересного мира, правда не всегда понятного, но такого тёплого и душевного.

Дружба для Петра на самом деле занимала особенное место, но постоянные пребывания дома и слишком большая закрытость в самом себе не позволяли ему проводить много времени с приятелями. Он хорошо заводил знакомства, оставляя о себе первое впечатление достаточно образованного и приятного молодого человека, но так и не научился поддерживать постоянные связи и сношения с новыми людьми, так или иначе встречающиеся на его жизненном пути. Увеселительные компании его тоже мало забавляли, но, тем не менее, на всяческих студенческих мероприятиях бывать всё же приходилось, оставаясь естественно где-нибудь в стороне, возможно в самом тёмном углу, от остального коллектива. При этом все его старые товарищи к нему хорошо относились и требовали его постоянного общества рядом с ними, что естественно было крайне редко. Николашка, Андрей и Димитр – люди, с которыми он вырос, но они избрали совершенно иную дорогу, пытаясь больше уделять внимание светским вечеринкам, где они весьма преуспевали в общении с высшими чинами, отчего их карьера двигалась только в гору. Они не перестали быть друзьями и с Петром, постоянно напоминая о своём присутствии ему письмами и заездами в гости. В конце концов, именно одна из знаменательных встреч, произошедших совершенно против воли молодого интроверта, привела к знакомству с Аннэт...

– Что ж, друзья мои, – довольным тоном продолжил говорить Фёдор Вильгельмович, несколько искоса, даже по-хитрому исподлобья, поглядывая на обоих своих гостей, складывая свои бледные руки в цепкий замок – Держите путь в Пермский университет! Знаю, знаю! Все ваши секреты знаю! Что, куда и зачем! – старый учёный даже несколько по-родительски пригрозил пальцем.

В такой момент Пётр вдруг снова очутился в каком-то неловком положении, совершенно путаясь в происходящих событиях. Видимо секрет профессора был не таким уж и секретным, раз всё же он оказался раскрыт. Хотя пусть Фёдор Вильгельмович в своих повадках был совершенно не предсказуем, и угадать, что он может выдать прямо сейчас, было невозможно, Сапожковского видимо это вовсе не беспокоило, и он, как и прежде, уминал шарлотку, запивая её горячим чаем. Профессор прекрасно знал своего друга, и это несколько вернуло спокойствие к Петру, ведь Кваг даже ещё не озвучил, что именно он знает о путешествии.

– Вести о делах, порой скачут впереди самих дел! – посмеялся тот – Знаю, что Борис Борисович предпочёл бы совершенно иной расклад этой истории, но тут, как оно обычно бывает, вмешивается Провидение. И никто, совершенно никто не может противостоять данному обстоятельству, – чтобы придать вес своему изречению Фёдор Вильгельмович вознёс указательный палец куда-то прямо под потолок, выразив на лице абсолютное пресыщение от данного умозаключения. Пётр, пытаясь тоже делать вид, как и профессор, что ему абсолютно безразлично, всё же чувствовал некоторое волнение, хотя дело было совершенно плёвое, и даже, если Кваг знает цель их путешествия, то суть совершенно не меняется, и они, конечно же, преспокойно продолжают свою беседу, а потом благополучно и экспедицию. Но что-то всё же волновало, может даже от того, что если вдруг вопросы начнут задавать самому Петру, а он не сможет внятно разъяснить, что же на самом деле происходит, ведь Сапожковский единственный кто знает подробные обстоятельства. Или уже нет?

– Не интригуй, Фёдор, – проговорил профессор, даже не глядя на товарища, несколько смакуя чудесный пирог – Подай-ка лучше брусничного варенья.

Безразличие Сапожковского видимо обескураживало только Петра, потому что Кваг также преспокойно подал банку с необходимым ингредиентом Борису Борисовичу, а лишь затем продолжил своё театральное представление, ещё больше будоража нервы юного студента, который начинал воспринимать происходящее с неловкой улыбкой.

– Слышали ли вы, мои дорогие, новости? – внезапно сменил тему приятель профессора, изрядно жестикулируя в воздухе своими длиннющими пальцами, которые наверняка принадлежали бы какому-нибудь заурядному пианисту – Всякий университет наложил запрет на массовые тайные собрания молодых студентов! И это даже здесь, в нашем мирном и спокойном месте, где ни один уважающий себя молодой человек ни в коем веке не позволит себе совершить эдакую гадость нашему дорогому с вами Отечеству! Я возмущён! Я вне себя! Людям нужно быть как можно ближе, познавать самих себя и познавать друг друга! Дружный коллектив – верное средство от всякой беды! А что они? Разделяют, властвуют! Народ не способный собраться в единый кулак, будет сплошным сборищем слабых пальчиков в крепкой руке чёрных дельцов. Куда всё движет? Друзья друг другу лгать не будут! – здесь Фёдор Вильгельмович добавил особую интонацию собственным словам, будто уже конкретно обращаясь лично к Сапожковскому, добавив, потирая рукавом блестящий над густыми бровями лоб – Правда ведь, Борис Борисович?

– Вы совершенно правы, мой друг, – приподнимая чашку чая, провозгласил профессор, ожидая аналогичных действий от своих компаньонов, которые не заставили себя ждать: и Пётр, тоже с чаем, и Кваг, с бокалом кваса – все вместе соприкоснулись со звоном наполненными сосудами – Только не забывайте, – добавил после Сапожковский – Настоящие друзья, как никак, определённые свои поступки совершают во благо уже состоявшейся дружбы, как бы там кто-то не говорил об обратном.

Борис Борисович видимо на всё имел ответы, и с ними совершенно нельзя было спорить. Сейчас Пётр как никогда восхитился ответом своего наставника, умевшего так достойно держаться и находить нужные слова. Скорее всего это понимал и его верный товарищ Кваг, как ещё сегодня утром это понимал таинственный трактирщик. Всё же унять старого учёного Фёдора Вильгельмовича, который вдобавок столь же начинён опытом, как и сам Сапожковский, было совершенно не возможно. Вероятно даже то, что закалённые академики только в своих профессионально устроенных спорах находят ту самую истину, которую никогда нельзя было найти просто так по одному только желанию одного энтузиаста, было самым настоящим камнем преткновения ко всему происходящему вокруг возникшей беседы.

– Вы чрезвычайно чудесно излагаете мысль, дорогой друг, – заметил Фёдор Вильгельмович, напирая на Бориса Борисовича – Но упускаете одну маленькую деталь, что высокая степень уважения к личности даёт определённый стимул к вероятности не оставлять некоторых вещей без должного её внимания. Сами посудите, могло ли быть такое, что предпринимаемые действия одного трутня в улье, не согласовывались бы с действиями другого такого же трутня, поскольку в таком случае им бы пришлось совершать одинаковую последовательность в деле ошибок, приводящих, в конце концов, к потере полезного коэффициента для всего улья в целом. Это же очевидно единый механизм, требующий постоянного взаимодействия и налаживания непрерывного информационного контакта.

– Сколь угодно, Фёдор Вильгельмович, – умиряющим тоном проговорил в ответ профессор – Вы ни грамма не упомянули о возможном разделении некоторых обязанностей этих одинаковых трутней одного улья. То есть вы должны понимать, что некоторые действия одного трутня, могут быть совершенно не зависимы от действий другого.

«Да, Кваг всё-таки определённо не знает цели нашей экспедиции, но пытается добиться этого знания всеми известными ему способами, а главное, что Сапожковский столь же тактично не развязывает языка. Этой игрой можно наслаждаться вечно. А самое интересное то, что мне удаётся всё время быть сторонним наблюдателем, ведь это в действительности их личное увлечение. Как прекрасно!» – именно так думал Пётр в эту минуту, и именно так впоследствии будет занесён этот момент в личный дневник молодого корреспондента. Он совершенно не мог оставить данный диалог без должного внимания, ведь, возможно, когда-нибудь он послужит добрым уроком хороших манер для будущих академиков.

– Порой заблуждения, могут привести и к ответу, – заключил Кваг – Вы, конечно же, допускаете возможность того, что существуют два совершенно неординарных рабочих процесса, которые никогда не соприкоснутся между собой в технологии единого цикла. Вряд ли это может быть, – тут он снова вознёс указательный палец – Нарушив цепь одного действия, мы впоследствии нарушим всю целостную структуру! И тогда совершенно нельзя будет говорить о состоятельности одной детали, когда в итоге вся машина перестала существовать!

– Скажу так, – неизменно настаивал Сапожковский – Общество сколачивается из людей статичных, способных удержать его в равновесии, а вот развитие общества дело рук людей динамичных, которые наращивая темпы, приносят в удержание равновесия некоторые корректировки, отчего может быть совершенное нарушение целостного баланса или его полное разрушение. Союз статичных и динамичных – это ответ на все волнующие вопросы. И когда одни динамичные приходят на смену другим динамичным, первым приходится преобразовываться в статичных, в противном случае они могут быть попросту вредны своему обществу, считая, что, как и раньше способны двигать колесо прогресса, определённо не замечая, что это колесо деревянное, когда вокруг давно предлагают перестать его толкать, перейдя, наконец, на методы автоматизма, что бы заняться совершенно иными насущными вопросами.

– Право, Борис Борисович, – задумался Кваг – Вы полагаете, что сейчас то самое время, когда необходимо старые добрые поношенные сапоги оставить в шкафчике для всякого хлама? Смею, вас огорчить, мой дорогой друг, – вновь улыбка озарила его бледное воздушное лицо – Уже через пару дней наша достопочтеннейшая Академия позволит сколотить одну примечательнейшую экспедицию на Уральский хребет, которую к величайшему вашему изумлению возглавит никто иной, как лично Фёдор Вильгельмович Кваг – довольный учёный в очередной раз соскочил со своего изъёрзанного места, чтобы выдать низкий поклон слушателям – Это ли не чудно, мой уважаемый?

– Это очень занимательно, – ответил в своей свойственной манере несокрушимого спокойствия Сапожковский, видимо даже ничуть не удивлённый данным фактом – И что же вы намереваетесь там отыскать? Может быть, поведаете?

– Ах, дорогой мой! – не прекращал поэтично двигаться по комнате Кваг – Наш мир требует неминуемого вмешательства в его пристальное изучение! Сколько ещё сокрыто таинств в тех самых местах, где, казалось бы, человеческое существо обошло всё вдоль и поперёк, считая окружение полностью открытой книгой? Сколько ещё придётся провести в кропотливом труде дней и ночей гениальным деятелям, чтобы добиться, наконец, окончания поисков непознанного? Да! Да, друзья мои, мне предстоит возглавить экспедицию, которая в будущем, возможно, положит начало формирования нового взгляда на существующую действительность. И этому точно не будет предела!

– Что же вам удалось отыскать? – поинтересовался Сапожковский, слегка прищурился правый глаз.

– В вечном беге за исследованиями самых удалённых уголков нашей прекрасной Земли, – продолжал эмоциональный учёный – Мы не минуемо теряем ту тонкую ниточку для изучения собственного же родного дома, который постоянно находился рядом и не требовал колоссальных усилий для установления с ним тесного контакта – Фёдор Вильгельмович выдержал некоторую паузу и, наконец, занял своё место – В одном из поисков нам удалось столкнуться с примечательно интересной легендой, которая требует к себе особого внимания. Речь идёт о диких существах имеющих множество разных названий: хозяева леса, лешии, менквы, комполены... В разных местах их называют по-разному. Мне вот привычнее слышать сноманнен. В наших краях, конечно, это определение не популярное, но именно оно мне кажется подходящим. Так вот! Мы найдём это загадочное существо и, наконец, раскроем его таинственную природу – в конце фразы Кваг будто бы поставил точку, показательно сложив руки на груди.

– Что ж, – подытожил Сапожковский, ничуть не смутившись сообщением своего товарища – Одобрение Академией данного предприятия позволяет питать надежды, что возможно мы двигаемся в правильном направлении. Я очень рад за тебя, Фёдор, как твой коллега! Но как твой друг, категорически против, чтобы ты после столь продолжительного своего перерыва вернулся на стезю практического исследователя.

– Что ты, друг мой? – весьма любезно добавил Кваг – Это истинное лекарство для меня! Возможно оно единственное моё спасение!

– Тогда желаю лишь успехов! – проговорил профессор, вновь подняв очередную чашку с чаем, со звоном соприкоснувшись с наполненными чашами компаньонов.

Всё услышанное Пётр впитывал как губка, совершенно не пытаясь вмешиваться в подобные разговоры. Он дивился реакции Сапожковского, который вовсе не отговаривал друга от кампании, представляющей реальную угрозу для здоровья, действительно прислушиваясь к зову его собственного сердца, лишь оставив дружеские наставления. Дивился он и тому, что в поисках самих себя эти старики готовы пойти на самое невообразимое путешествие в их жизни, чтобы попытаться найти то самое недостающее звено, которое навсегда утолит их душевную потребность. Вероятно именно в такое же мероприятие ввязался и сам Пётр, последовав за Сапожковским, но тем оно становилось ещё более к себе манящим, от чего совершенно нельзя отказаться.

Этот день был завершён. Профессор почему-то так и не рассказал своему другу истинное назначение экспедиции, уверяя, что путь их ведёт к Пермскому университету. Возможно, была в этом какая-то выгода, но вряд ли её можно разгадать сейчас. Время покажет. Сегодня был прекрасный день, полный загадок и новых знакомств, Пётр искренне надеялся, что все последующие дни будут подобны этому. С такой мыслью он и закутался под пушистое одеяло на втором этаже самого гостеприимного дома, с душевной лёгкостью вспоминая о покинутом родном крае лесов и рек, доме на Кикиморской горе, дорогих родителях, верных друзьях и своей Аннэт.

«Спокойной ночи...»

Глава третья

Утро следующего дня началось очень скоро. Петру даже показалось, что он успел только моргнуть, как его уже пробуждал Сапожковский, сильно теребя за плечо. Юноша понял, что профессор не хочет терять ни минуты, поэтому требовал особенной быстроты для того чтобы собраться, позавтракать и отправиться в путь. В комнате весьма сильно пахло кошачьим присутствием, чего Пётр не заметил вчера вечером, но на что обратил внимание сам Борис Борисович, сообщив:

– Фёдор обожает кошек. Это его особенная страсть. Обычно в доме происходит кавардак, а эти животные хозяйничают здесь слишком вольготно, но к приезду гостей он тут же производит тщательнейшую уборку, причём по большей части самостоятельно, а кошек отдаёт на попечение в дом своей прислуги, которую весьма добротнo содержит, потому-то те не особо и отказываются ему помогать. Кстати, во дворе здесь обычно тоже весьма шумно, поскольку помимо кошачьего помешательства он просто влюблён в человеческие столпотворения, поэтому представляет место для торговых рядов и проведения еженедельных ярмарок.

Кваг уже ожидал внизу, приготовив столь же душевный завтрак, как и прошедший ужин. Изрядно подкрепившись, гости очень скоро покинули гостеприимный приют, благодарив хозяйина за добро. Запряжённая тройка уже ожидала у порога с всё тем же приветливым, но молчаливым кучером, как и сами пассажиры. Сапожковский попрощался со своим приятелем крепкими объятиями, пожелав успешного завершения дела, на что Кваг отвечал взаимностью, подмигивая своими маленькими глазками и мило улыбаясь, как это было свойственно ему одному. С Петром хозяин также обнялся, не покупившись на тёплые слова, на что ему оставалось только застенчиво благодарить и повторять «Вам того же». Сцены прощания могли бы продолжаться ещё очень долго, если бы Сапожковский не находился уже внутри экипажа, напоминая своим другу и помощнику, что ими уже пора:

– Фёдор Вильгельмович, обязательно пишите на мой адрес в Вятке! А сейчас отпустите моего студента, нам нужно ехать! Назар, – обратился он к почтальону, которому оставалось только дать команду лошадам чтобы отправиться – Трогай!

Профессор же, как ни в чём не бывало, взялся за свои любимые записки и карандаш, не обращая никакого внимания на отряхивающегося помощника, который в этот момент едва успел запрыгнуть в кузовок, пробежав пару сажений следом за уезжающим дилижансом. Так путники, под громкое поэтическое «Прощайте, друзья!» старого Квага, покинули Осокино, проезжая мимо всё тех же покосившихся домиков и кривых мшистых заборов. В отдалении вновь показались ещё одни вытянутые по земле сарайчики с высокими трубами, кузницы и водяные мельницы завода на Омутной и нескончаемая вереница горняков-тружеников.

Путь вёл далее на восток. Экипаж двигался по всё менее проходимым трактам, которые вероятно посещали, как и прежний, крайне редко. Это было вполне объяснимо, ведь основная прямая дорога из Вятки до Перми проходила гораздо южнее через городок Глазов, далее до Оханска, и там, через переправу, почти по прямой до самого Пермского городища. Но выбор Сапожковского пал именно на то направление, которым мирно путешественники и следовали, не натываясь на цепочку обозов и постоянное движение людей и лошадей. Добравшись до починка Голодаевского, экипаж повторил переезд через извилистую Вятку, теперь уже всего в нескольких верстах от её истоков. Пётр ещё раз взгляделся в её тёмные воды, пытаясь найти хоть какие-то секреты в чарующей глубине. Реки всегда обладали особенными свойствами отвечать на самые сокровенные вопросы, будоражащие пытливые умы, или помогать с душевными тревогами, которые могли бы возникнуть у молодого горячего сердца. Вспоминая себя, Пётр порой выходил на покатый бережок, настолько теряясь в грёзах, что забывал о текущем без ведома человека времени, и часами продолжал созерцать немыслимые красоты Вят-

ской природы. Вода ласково хлестала белой пенкой края у самых ног, а ветер шекотал густую зелень, шурша созревшими листочками. Сейчас было полное безветрие, и погода совершенно способствовала путешествию. Солнечный диск, успевший подняться из-за горизонта, поигрывал тёплыми лучиками по лазурному небосводу, ведя за собой благодатное настроение. Пётр, после продолжительной поездки начинал ёрзать, пытаясь уловить как можно более удобное положение, но нагромождения поклажи совершенно не давали разгуляться, оставляя только некоторые узенькие проходы между ящиками и сумками. Всё это были в основном посылки, которые предстояло ещё развести в самые отдалённые уголки. Сколько же здесь писем и подарков, сколько судеб и живых строк, вдавленные где-то с особенным старанием, а где-то кое-как набросанные нелепыми царапинами, скорее всего, ответят только самые старательные почтальоны. Писать письма – это особенное удовольствие, когда нависнешь над маленьким обрывком бумаги, стараясь вобрать в него добрую долю того, что крутится в голове, но без всего лишнего, как можно кратко, совершая магический ритуал словообразования, чтобы потом на другом конце это сообщение получил адресат и с упоением его бы прочитал, вдыхая запахи зашарпанной бумаги, засохших чернил и, быть может, какой-то свойский человеческий аромат, вряд ли повторимый дважды. Под грудой всех этих ящиков томился и загадочный чемодан профессора, весьма весомый на вид, в котором тот вероятно хранил какие-нибудь свои приборы, а может быть и научные публикации. Пётра это дело мало интересовало. Сам же он взял с собой лишь небольшую суму с канцелярскими принадлежностями и тёплую одежду на случай холодов с запасной обувью, которые хранились в заднем горбке.

Кучер всё ещё уверенно вёл тройку вперёд, не смотря на то, что дорога становилась хуже и хуже. Следующим пунктом остановки для разгрузки был посёлок Залазнинский, где черемсы встречали долгожданный экипаж с почтой, похоже, всем населением, проживающим в нём. Дети, женщины, старики повыскакивали на улицу с радостными криками, встречая редких гостей. Они не жили бедно, или как-то плохо. Они занимались каждый своим делом, помогая друг другу и помогая государственной промышленности своими бесценными кадрами, но удалённость основных почтовых трактов разделяла их от остального мира даже больше, чем несколькими верстами. Продолжая путь дальше, путешественники снова взяли курс на восток, огибая поселение Бельское, коих по всей стране можно было сосчитать немало. Дорога стала дикой, местами заросшей непроходимой порослью, отчего приходилось вести лошадей немного в сторону, дабы исключить столкновения с выступающими тут и там крепкими корнями и трухлявыми пнями, порой тщательно замаскированными в них. Воздух переполнила неожиданная спёртость и духота, а на небе как по щелчку начали появляться кучные клубы сереньких облаков, которые постепенно по мере продвижения вглубь леса стали формировать между собой объёмистые дождевые тучи, обещающие очень скорую и кардинальную смену погоды. Вдобавок ещё и усилился ветер, который начал со скрипом тревожить вековые сосны. Карета неожиданно остановилась, и так редко подававший свой голос почтальон обратился к Сапожковскому:

– Государь, дорога будет непростой, в сухую погоду мы бы проскочили эти пару вёрст, но если дождь зальёт колею, то лошади подзавязнут по самую грудь, а экипаж начнёт воротить из стороны в сторону, пока он не наткнётся на какую-нибудь яму, а там...

– Какие твои предложения? – преспокойно задал вопрос профессор, откладывая в сторону свои бумажные исследования.

– Лучше поехать в объезд, через Бельское и выйти на Глазов, а там по основному тракту мы преспокойно доберёмся до Перми, с заездом в Гординское, – интонация возникшего была абсолютно идентична спокойствию Сапожковского, видимо, чтобы подобрать себе кучера, профессор устраивал ещё один свойственный его натуре конкурсный отбор.

«Как это в его духе...» – подумалось в этот момент Петру.

– Нет, – отвечал категорически профессор, мотая головой – Такой объезд нам совершенно не к месту. Мы потеряем уйму времени, – затем Сапожковский, несколько сменив тон, обратился к кучеру, как к своему другу, чем весьма поразила Петра, но не самого возницу – Дорогой, Назар Прокопьевич, я надеюсь на ваше мастерство! А погода нам ещё даёт отсрочку. Так что только вперёд!

На сказанное почтмейстер преспокойно и молча кивнул, принимая слова профессора, как нечто должное, будто не требующее никаких уточнений и возражений. Кнут змейкой колыхнул воздух над спинами лошадок, и тройка снова поволокла экипаж по ухабистому и рассыпчатому пути, пыхтя ноздрями как раскалённые печки. Пётр приготовился к худшему, крепко вцепившись в один из бортов, начиная внимательнее рассматривать состояние дороги, при этом, вовсе не пытаясь заниматься нравоучениями кучеру. Тот и так прекрасно знал, как ему следует вести коней, да и предъявление каких-либо претензий к его езде было бы совершенно не уместным – его концентрации мог бы позавидовать самый усидчивый канцелярист.

Чем дальше продвигались в лес, тем он становился гуще и темнее. Колоссальные сосны нависали над головами, образуя ветвистыми кронами естественный живой свод, способный хоть как-то уберечь дорогу от размывтия. Дождь тем временем совершенно не спешил начинаться. Кучные тучи, казалось, вовсе остановили свой ход и теперь еле тащились едва не зацепляя острые макушки исполинских деревьев, которые с упоением готовились встретить пришествие непогоды. Ветер совершенно стих, и над окружающим миром навис обманчивый купол тишины, в котором то и дело слышались посторонние скрипы крепких вовсе неподвижных стволов и жуткие шорохи невидимых обитателей бора, которые тревожили высохший полог, будоража воображение юноши. Кони продолжали усиленно пыхтеть, продираясь между очередных цепких кустарников и вездесущего валежника. Невозмутимый Сапожковский, присоединившись к Петру, стал посматривать с противоположного борта на дорогу и окружающую обстановку, но на его лице нельзя было разглядеть ни грамма беспокойства, он скорее выражал свойственное только ему одному учёное любопытство. Глаза его как-то сверкали огоньком, и проявляли необычайную степень блаженного состояния. Предстоящая непогода словно вызывала в нём эйфорические чувства, влекущие за собой самые приятные ощущения, которые, видимо, исходили откуда-то из раннего детства.

Снова задул какой-то скользкий ветерок, а изо рта даже начинал исходить при дыхании парок. Ледяные мурашки пробежали вдоль каждого позвонка Петра, доходя до самой его макушки, отчего он даже ненароком вздрогнул. Кучер продолжал двигать своих покорных лошадок вперёд, заставляя волочить их скрипучую повозку. Голубоватый блеск, заставил животных жалобно издать протяжный вопль, но страх был мигом подавлен голосом отважного возницы. Гром сотряс небеса до самой земли, отчего та даже вздрогнула, словно где-то рядом случился горный обвал. Далёкая-далёкая непроглядная стена бесчинствующего ливня очень скоро начала приближаться к экипажу, неся за собой грозный плеск и бурные потоки водных масс, способные смести всё вокруг в одну сумасшедшую карусель. Кучер громко воззвал к своим подопечным, и те ему откликнулись понимающим ржанием, вытянувшись струной и насев на еле движимый дилижанс с особенным усилием. Показалось, что кони пошли куда лучше и колёса закрутились совсем веселее. Грациозные сосны безостановочно замелькали перед носом Петра, цепляясь и царапая деревянные борта экипажа. Комки бурой грязи и ледяные капли хлыстающегося дождя проникали в захламлённые апартаменты пассажиров, заставляя их укрываться от стихии только руками и ещё держащейся крышей. Возничий и того вовсе был беззащитен перед страшной бурей, но отступить было не в его компетенции.

Сапожковский не теряя ни минуты, достал свою единственную фризтовую шинель – знак особо чинной государственной принадлежности – и, прямо как цирковой акробат, ловко выскочил на козлы к Назару Прокопьевичу, где с особой теплотой укрыл его своей одежкой. Кучер в ответ только благодарил, поправляя свой картуз, постоянно норовивший куда-то уле-

теть от усиления ветра. Через некоторое время профессор вновь вернулся под крышу, промокший и запачканный с ног до головы. Выражение физиономии его оставалось непоколебимым. Предстоящие трудности нисколько его не сломили, а даже подзадорили, сделав его без того притягательный вид ещё более мужественным и даже моложавым. Пётр прекрасно понимал, что в такой ситуации от него сейчас мало что зависит, но он в любой момент был готов ринуться на передовую, если то потребуют обстоятельства. Но судьба видимо очень благоволила путешественникам, и дождь также внезапно закончился, как до этого несколько минут назад неожиданно возник. Ветер, тем не менее, не стих и задул по-осеннему противно, пробирая путешественников холодком до мозга костей. Какого было на самом деле кучеру, совсем не известно. Мужичок с гордостью держался прямо, довольствуясь шинелью с барского плеча. Профессор и его юный помощник хоть и находились за деревянными стенками кузова, но теплее им от этого не становилось – сквозняки гуляли здесь по-хозяйски, а слишком повышенная влажность способствовала чувствовать себя в настоящей обстановке куда менее уютно, чем этого хотелось. Но жаловаться было нечего.

Лошадки месили грунтвку под копытами, волоча за собой замызганную тележку. Колёса прокручивались по несколько раз на одном и том же месте, но темп экипажа не сбавлялся, и путешественники довольно быстро преодолевали последующий участок пути этого вынужденного испытания. Скользя по заброшенному тракту, словно в зимнюю пору на сани, путешественники начали замечать, что окружающий ландшафт заметно изменялся: дорога сильнее завилыла, а местность приобрела холмистую структуру, обзаведясь соснами с причудливыми формами стволов, которые закручивались то в петлю, то гнулись, словно натянутый лук.

Теперь уже скорость экипажа заметно стала сбавляться. Частота резких поворотов, покатых склонов и коварных подъёмов заметно увеличилась, хотя наличие густой поросли прямо на пути поубавилось. Лес как будто бы отступал перед бесстрашными путниками, которые проехали и без того достаточно нелёгкую часть пути под проливным дождём и прескверным ветровым напором. Даже солнце, показавшееся из-за облаков, засветило как будто бы по-доброму, улыбаясь двигающейся тройке. Тем не менее, кучер не спешил снимать с себя профессорскую шинель – ветер, похоже, и не собирался ослаблять своих ледяных оков, потому Назар Прокопьевич только сильнее кутался.

В такие времена людям всегда свойственно согревать себя только самыми тёплыми воспоминаниями, чем естественно и занялся Пётр, погрузившись, как это с ним иногда бывает, в некую немую туманную думу, которая увела его от мира реального к воспоминаниям прошлого, или это вовсе не были воспоминаниями, может быть что-то выдуманное, нафантазированное, но такое приятное, что на душе становится чуть поспокойнее. Мысль уносилась совершенно в неизвестном направлении, к тем самым краям, где зарождаются сомнения о содеянном, о выборе, который был уже совершён. Пётр ловил себя на том самом вопиющем вопросе: «А нужно ли было всё-таки соглашаться на такое мероприятие, если даже сейчас в самом начале пути возникает такие ситуации, от которых ты совершенно не зависим и которым ты обязан просто подчиниться, плывя по этому течению неизвестности?». Такое случается слишком часто с неопытными зелёными головами, которые готовы погрузиться в пучину страстей, а как лишь только подвернётся неудача или того и гляди испортится погода, то дают непременно заднюю. Но в какой-то момент Пётр теряет нить сомнений, и перед ним встаёт та самая неведомая картина, меняющая настроение с ног на голову. Детство. Дом. Они с отцом Алексеем Михайловичем прогуливались по цветущему садику. Здесь благоухают яблони и вишни, а где-то совсем недалеко, за высокой оградой, слышится цветение сирени... Маленький Петя никогда не бывал за территорией сада, но именно туда манило детское любопытство. Он старался держаться как можно ближе к ограде, чтобы была возможность, проходя мимо, хоть через щелку в дощечках рассмотреть, что же там снаружи. Отец смотрел на сынишку с

упоением, но не знал, о чём тот думает, а Петя ничего не сказал ему об этом. И только вечером за прочтением сказки перед сном, он обратился робко к матушке:

– Что там за оградой, где мы гуляли?

– Там город, где живут другие люди, – отвечала ласково она.

– А я когда-нибудь смогу туда пойти?

– Ну конечно сможешь, малыш, – рассмеялась матушка – Если хочешь, уже завтра выйдем и посмотрим?

– Завтра?

И сколько счастья, сколько изумления было в светлых глазках ребёнка, который завтра осуществит свою первую мечту. И сейчас он уже давно не ребёнок и тот большой забор теперь уже не такой большой и непреодолимый, а тот неизвестный город, давно изучен и уже не такой загадочный и манящий. Сам же он где-то за двести вёрст от родного дома, уезжая всё дальше и дальше, вслед за исполнением следующей мечты. Это и было самым настоящим чудом человеческой жизни, которое непременно и правит этим странным миром.

Внезапный хруст, звенящий скрежет с металлическим лязгом и очень резкий толчок вернул Петра снова в явный мир. Экипаж слегка накренился, но не успел перевернуться. Кони в момент остановились, издавая тревожное ржание. Сапожковский, не растерявшись, выскочил из кузова, чтобы успокоить бедных животных, которые начинали излишне натягивать свои поводья. Пётр последовал за своим наставником, выпрыгнув за бортик с другой стороны, и обнаружил, что кучер чуть ли не слетел с козел, зацепившись за декоративный крючок кареты той самой профессорской шинелью. Юный путешественник не заставил себя ждать, кинулся помогать барахтающемуся Назару Прокопьевичу, отцепляя надорвавшийся лоскут шинели от накренившегося куска интерьера, который еле сдерживался, чтобы не оторваться от боковины кузова. Кони были успокоены. Кучер благополучно снят со спасительного крючка. Шинель же ещё подлежала использованию, но требовала некоторого ремонта, чему Сапожковский даже не придавал особенного значения. Всё его внимание было обращено на покорёженную колёсную ось, которая повредилась куда серьёзнее.

– Государь, прошу простить дурака! – завопил гнусаво кучер – Налетел на буерак! Задремал поди – не заметил! Государь, виноват! – тут возникший начал падать в ноги профессора, непрерывно изображая поклоны и пачкаясь в грязи.

– Прекрати, Назар! – махнул рукой Сапожковский, наклонившись поближе к развалившейся части экипажа и даже не посмотрев на кучера и его сцены – Не могу вот понять, чего тут стряслось?

– И шинель вашу разорвал! – взявшись за голову, будто сам с собой, продолжал взволнованный кучер – Какой дурень! Какой дурень! – бормотал он безостановочно, заикаясь и дрожа.

– Петро! – обратился к юноше профессор – Назар, кажется, простудился. Загляни-ка в горбок и достань ему сухих вещей из брезентового мешка, я пока разведу огонь, а после займёмся починкой.

– Ой, Борис Борисович! – несколько даже испуганно заговорил кучер – Пётр Алексеевич! Не нужно, я сам! Не утруждайтесь! – с этими словами Назар Прокопьевич, как ни в чём не бывало, лично подскочил к заднему багажу, начиная рыться в сложенных там вещах. А Пётр приблизился уже к профессору.

– Разведи костёр, Петро, – потирая бородку, пробормотал профессор, по-прежнему не отрывая взгляда от поломанной оси – Я, кажется, нашёл одно решение. Но этому следует уделить некоторое время.

Пётр, ничего не ответив, направился в кузовок, чтобы исполнить просьбу профессора. Разыскав в одном из специальных ящиков необходимый набор из трута, готовой сухой растопки и шведских самогарных спичек Лундстрёма, юный помощник направился вновь наружу, чтобы приготовить полевой очаг. Назар Прокопьевич также подключился, вытащив из багажа

кроме сухих штанин, рубахи и сапог, ещё и заранее набранных берёзовых дров – у Сапожковского всегда было всё продумано наперёд, потому старик и здесь всё подготовил про запас. Итак, выбрав место как можно суше, Пётр принялся за огонь. Назар же направился на выполнение своих прямых обязанностей в качестве кучера, чтобы заняться ремонтом повреждённого экипажа, но был тут же отправлен в кузов, с наставлениями от профессора:

– Назар, твоё дело сейчас отогреться! Закутывайся под тёплый плед и ожидай приготовления горячего питья. Пётр сейчас всё приготовит, а мне осталось только найти необходимые материалы, – с этими словами Сапожковский, отойдя несколько подалее от места происшествия и усевшись на один из пеньков, который он обязательно застелил своим огромным платком, сложенным втрое, принялся что-то усердно записывать карандашом в маленькую записную книжку, лишь изредка посматривая куда-то в затенённые кроны сосен, пропускающие тёплое свечение солнечного диска. Назар же, следуя указаниям, молча удалился, продолжая уверять, что он здоров, но пока шёл, тем не менее, освободил лошадей от упряжей, выведя их попасть на обочину и привязав каждую к отдельному колышку.

Лес был умиротворён, напитавшись живительной влагой и купаясь в лучиках солнца. Природный край был как никогда прекрасен и свеж. Зелень заиграла какими-то весёлыми нотками оттенков прелести, что вокруг всё засияло, словно в сказочной обители. Ветер, наконец, перестал усиленно раскачивать макушки могучих древ, выдавших, по-видимому, в своей молодости самого царя Гороха. Откуда-то совсем недалеко стали доноситься лёгкие постукивания трудолюбивых лесных санитаров – дятлов, а ещё дальше закуковала одинокая кукушка. Серобурый полог, усеянный бесконечным числом маленьких муравейников, начинал непрерывно шуршать от плясок и бесконечных поисков пропитания местных тетеревов и глухарей. Забегали туда-сюда и беспокойные бурундуки, порой поигрывая со своими полосатыми соплеменниками в салки. Вышла на прогулку даже грациозная косуля, мирно пасущаяся на полянке за одним из холмов. Жизнь здесь забила небывалым ключом, словно изъявив желание поглазеть на путников, прибывших из мира человеческого. И становится тогда ясным некий замысел Творца, и возникает в голове понимание того, что когда проезжаешь лес доробгой, он всегда кажется такой огромной и безмолвной стеной, бесконечно уносящейся куда-то прочь, но стоит остановиться, и он словно приобретает некую чудесную умиротворяющую власть, в которой чувствуется вся сила природной стихии и начинаешь слышать, как он дышит, как порой поёт и даже плачет.

Всё же среди красоты и грации природной обители существовала и вероятность наткнуться на диких представителей хищного порядка, отчего порой приходилось на мгновение замирать, дабы разглядеть какую-нибудь новую движимую фигуру, которая с той же вероятностью могла бы быть лисой, волком, медведем или кабаном. Хотя неприятности могли бы принести маленькие и весьма ловкие хорьки или даже куницы. Что говорить и про тех же комаров, которым здесь было самое место, с их назойливым и невозможно раздражающим жужжанием, а вероятность стать целью клещей увеличивала угрозу пребывания на стоянке в неизвестном месте в разы.

Пётр продолжал раздувать пламя, и это у него весьма неплохо получалось. Огонь начал давать жар, и было необходимо лишь установить уже приготовленный котелок на самодельные подставки из сучков, тщательно отгёсанные карманным ножиком. Наполнив котелок водой из походной фляги, Пётру оставалось лишь добавить трав для дальнейшего заваривания. Какие добавлялись травы, он знал заранее, благодаря наставлениям и инструктажам профессора. Отыскав в том же ящике мешочек с сушёными ромашкой, липовым цветом, боярышником и клюквой, Пётр, как самый настоящий травник, принялся заваривать необходимыми ингредиентами вскипячённую воду, чтобы после настоять его несколько минут. Петру это дело также особенно нравилось, как и ведение путевых журналов. Аккуратно размешав напиток, он скоро направился к кучеру, который начинал уже странно чихать, не переставая при этом

громко извиняться. В таком ключе путники провели без малого около двух часов, находясь посреди леса в равном удалении ото всех населённых пунктов, располагавшихся поблизости. Труды профессора и его юного помощника, проковырявшиеся возле надломленной оси, увенчались некоторым успехом. Вдвоём им удалось заменить стальной прут на деревянный стержень, усилив его дополнительными планками, которые также как и новая ось были соструганы ножом и топором тут же на месте. Старый металл был уверенно отброшен в сторону, но не оставлял покоя обоим путешественникам, так как они обнаружили, что ось была не только надломлена, но и машинально подпилена. Надрез был слишком ровный, чтобы этого не понять даже невооружённому и не столь опытному глазу, хотя при сильном напряжении на металл бывают подобные надрывы, но именно имеющийся спил нельзя перепутать ни с чем другим.

Сапожковский отреагировал на данное обстоятельство сдержанно и спокойно, лишь бросив несколько задумчивый взгляд на Петра, который ответил ему понимающими глазами. Дело обстояло странное. Кому-то понадобилось подорвать сроки начала экспедиции, и, видимо, профессор уже догадывался, кто это мог быть, но всё это он оставил опять же при себе. Пётр в свою очередь ещё раз изучил покорёженную ось, несколько раз прощупав подпиленную часть.

«Кто бы это мог быть? Недовольный трактирщик или безобидный академик? Или может карета изначально была повреждена ещё до выезда из Вятки?» – Петра начали мучить эти назойливые предположения сразу же, как выяснились данные сложившиеся обстоятельства, но ответить он на них, конечно, никак не мог, и нужно было двигаться дальше, ведь день уже перевалил за обед, а путешественники так и не притронулись к съестному, только лишь пригубив приготовленный самим юным травником настой.

Наконец, тройка вновь была запряжена, а экипаж готов к отправке. Назара охватил озноб, поэтому за вожжи взялся лично профессор, оставив Петра в кузове присматривать за больным, обеспечивая его должным уходом. Когда все приготовления закончились, дилижанс со страшным скрипом всё же благополучно тронулся, изредка дребезжа новенькой осью. Погода больше не изъясляла капризов, поэтому путь стал спокойнее и ровнее, не смотря на труднопроходимую и несколько размытую дорогу. Лошадки, вдоволь отдохнувшие, везли экипаж чуть бодрее, хотя Борис Борисович всё же вёл не без опасения. Деревянная балка, которую они с Петром установили даже очень добротно вместо оси, тем не менее не вызывала ту уверенность, какая была к металлической прежней. Пётра же больше волновало состояние почтальона, который дорогой задремал, хотя его и брало в жуткий холодный пот. Молодой студент больше не думал не о чём. Всё, что касалось его прежней жизни, будто бы куда-то провалилось, сжалось в маленькую точку и совершенно пропало, растворившись полностью. Пристальное внимание за больным обратило ясный взор студента в микроскопическую трубу, которая сфокусировала внимание на одной крохотной цели этого мира. Он совершенно не знал этого человека, но понимал, что его судьба полностью зависела от них двоих – Сапожковского и Самарина.

В какой-то момент, Пётр так задумался, что даже окружающий его мир как будто бы скрутился в узкую трубочку и перестал существовать, размывшись в его боковом зрении. Глаза словно остекленели, а русая голова потяжелела, но словно из потустороннего мира послышался очередной «чих», вернувший трезвое восприятие к Петру, после чего он обомлел и, быть может, побледнел, поняв, что чихнул вовсе не кучер, не профессор и даже не он сам.

– Что там, Петро? – прокричал с козел Сапожковский, слышав посторонний звук.

– Борис Борисович, – несколько неуверенно пробормотал Пётр, осматриваясь всё и оглядываясь по сторонам – Остановите экипаж, нужно кое-что проверить...

Профессор, ни сколько не раздумывая, притормозил тройку, которая весьма складно ему повиновалась. Пётр же, соскочив с кузовка, обошёл карету сзади и приблизился к горбку, из которого ему показалось, что он слышал тот самый подозрительный «чих».

– Что там, Петро? – не слезая с места, вполборота прокричал Сапожковский.

Петра обуял какое-то чувство неуверенности и бурного волнения. Незнание того, что может ожидать его за крышкой багажного отделения, вызвало в нём постороннюю и так несвойственную ему тревогу. С силой выдохнув, он всё-таки осмелел и, резко отскакивая, отворил волнуемый его ящик. Большущее свободное пространство, почти доверху переполненное всякими сумами, одеждами и покрывалами, открылось его взору. И в этот момент неожиданно одно из покрывал зашевелилось и приподнялось. Пётр обомлел, когда увидел совсем юную рыжеволосую девушку, хлопающую на него своими большими изумрудными глазами.

Глава четвёртая

Можно ли было представить, возможность стечения обстоятельств, подобных тем, что приключились с путешественниками? Отнюдь профессор, наверняка, мог предугадать такой случай, потому приготовления к нему так же должны были свершиться. Но Сапожковский не был готов, хотя показать это в своей загадочности точно не мог, чего естественно не повторил бы Пётр, остающийся в состоянии ступора несколько минут. Перед учёными мужами предстала статная девушка в травяном сарафане с белоснежной сорочкой, с её веснушчатым личиком, её рыжими завитыми космами, заплетённых аккуратно в косе, и её таинственно притягательными изумрудными глазами, которые застенчиво глядели куда-то вниз. Незнакомка показалась интересной Петру, но то обстоятельство, при котором произошла встреча с ней, совершенно будоражила и сбивала с толку. Её звали Хавронья. Дочь трактирщика, та самая, что помогала ему по хозяйству. Она знала о том, кто такой Сапожковский, но профессор вряд ли бы её помнил, поскольку видел совсем ещё малюткой. Хотя память профессору вряд ли могла здесь изменить. Выясняя всё случившееся, Хавронья в первую очередь попросила проведать больного Назара, который был причастен к её скрытному перемещению с компанией путешественников. Препятствовать ей никто не стал, хотя к ней, в общем-то, и отнеслись с некоторым подозрением, особенно юный Пётр, который словно хвост уплёлся за ней.

Девушка порхнула в кузовок, словно бабочка, и учтиво угостила кучера благоухающим хвойным нектаром, который обещал скоро поставить его на ноги. Так, по крайней мере, поведал дивный голосок, срывающийся с тоненьких уст рыжеволосой красавицы. Больного одолевала слабость, и ему совершенно точно требовался покой, который было бы тяжело обеспечить в дороге.

– В Гординском есть хороший врач. Он поставит его на ноги, – вторила она приятно сладким тоном, невольно вызывая к себе расположение путешественников, хотя такой способ особенно вызывал подозрения. Все действия её при этом были уверены, слова тверды и она явно никогда не сидела на месте, крутясь как белка в колесе постоянных забот и неотложных дел.

– Прекрасно, – заключил Сапожковский – До Гординского осталось пару вёрст. Там вас и оставим, – сказав это, профессор в своей манере забрался на козлы и приготовился отъезжать. Пётр, зная Сапожковского, не стал задерживаться, времени у кузова, и попытался скорее занять своё место. Тогда словно молния проскочила мимо Петра эта девушка, немного затормозив его и без того поспешное движение к кузову. Её рыжая коса задела молодого студента по лицу, оставив дурмящий запах полевых цветов. Всего один коротенький миг – и она уже оказалась рядом с профессором, который тут же приказал тройке двигаться далее, а Пётр благополучно уселся рядом с Назаром в посылках и вещах, пристроившись удобнее и слушая, что происходило снаружи.

– Борис Борисович, разрешите отправиться вместе с вами? – начала диалог с профессором Хавронья, говоря с ним как с давним приятелем и вроде бы даже не спрашивая его, а попросту предлагая собственные варианты.

– С чего бы это вдруг? – нисколько не смутившись такой просьбой, спросил Сапожковский, не глядя на свалившуюся на его голову собеседницу – Вы пробрались тайно в мой экипаж и просите оставаться в нём до конца поездки, считаете ли вы данное поведение верным?

– Я прошу меня простить, – потупив глаза, продолжала девушка – Но это крайние меры, если бы я вас тогда попросила взять меня с собой вы бы меня приняли?

– Конечно – нет, – не раздумывая отвечал профессор – Дамам не место на предприятиях подобного характера.

– Борис Борисович, это из-за моего отца? – не унимаясь, продолжала та – Простите его, другим я его не знала. Сколько помню, он не отличался сдержанностью, и нервозность стала частью его жизни, но он очень хороший человек, он просто не мог поступить иначе. Столько всего связывает его с этим местом...

– Девочка моя, – неожиданно прервал её профессор – Дело вовсе не в вашем отце. Я действительно убеждён, что дамам не место в подобных опасных экспедициях. У меня всё давно рассчитано. Вдобавок, Академия вряд ли может вас обеспечить всем необходимым без надлежащего образования или должной квалификации, а уж, тем более, что особенно важно, как для меня, так и для вас в первую очередь – безопасностью. Тоже самое касается и нас. Мы высадим вас в Гординском, после чего вы успешно сможете вернуться домой.

– Нет, Борис Борисович, – взмолилась та – Я вас прошу, пусть это будет не экспедиция. Я готова стать просто попутчицей. Как доберёмся до места, я тут же покину вас и не посмею больше тревожить. У меня нет другого пути. Все переправы на Камень контролирует он и меня тут же вернут домой, но я не хочу возвращаться.

– Как бы то ни было, – настаивал профессор – Вы вместе с Назаром Прокопьевичем остановитесь в ближайшем поселении.

– Назар Прокопьевич тут ни при чём, – заверила Хавронья, отрицательно жестикулируя бледными ладонями – Я сама пробралась к вашему экипажу, это случилось так быстро. Назар Прокопьевич узнал о моём пребывании только в Осокино, рано утром. Мы давно знакомы, ведь он частый гость в нашем трактире, а к отцу он так вообще проявляет почтенное уважение. Он просто не смог отказать помочь мне.

– Ваши личные отношения меня вряд ли должны волновать, дорогая моя, – утвердительно продолжала Сапожковский – Назар Прокопьевич нуждается в медицинской помощи, потому его лучше оставить на попечение в госпитале, а вы так прекрасны и так юны. Ваш же отец действительно хороший человек. Думаю, что он бы не хотел, чтобы я его так огорчил, взяв вас с собой.

– Ох, – вздохнула девушка – Отец действительно скоро начнёт меня искать. Но я слишком часто убегала из дома, поэтому пройдёт ещё много времени, прежде чем он начнёт что-то предпринимать. И вряд ли он догадается, куда я направилась, никто не мог меня видеть.

– Вы так думаете? – будто бы дразнясь, поинтересовался Сапожковский.

– Я в этом уверена, – твёрдо подтвердила Хавронья – Но у меня есть кое-что, что вас действительно заинтересует!

– Вот как? – несколько удивился профессор, испытывая любопытство.

– Я взяла с собой один старый пергамент, который оберегал мой отец, – повествовала девушка – Эта вещь связана с тем местом, куда вы направляетесь, и возможно в дальнейшем она поможет экспедиции. Отец ждал вашего приезда, как и ждала его я, поэтому заранее всё продумала. Я не хочу быть для вас обузой, поэтому предложу взамен на ваше расположение эту дорогую реликвию.

Лес заметно поредел, но не терял своей власти. Высокие холмы сменяли друг друга, заставляя тракт петлять ещё больше самыми причудливыми формами. За одним самым крупным из них, наконец, показалось поселение. Аккуратные домики с покатыми крышами и крохотными приусадебными огородами тихо ютились около почтового тракта основного направления с юга на север от Глазова до Афанасьева, пересекая накрест невзрачную дорожку, по которой перемещался залатанный экипаж путешественников. Это было Гординское. Находилось оно на берегу почти у самых истоков извилистой Камы. Именно здесь, у этого края, кончалась граница Вятской губернии, где далее распростёрлась Пермия Великая. Сапожковский очень долго выдерживал паузу, словно разжёвывая предложение Хавроньи. Пётр даже из любопытства сильнее наострил свои уши, чтобы не пропустить ответа профессора, если вдруг он вздумает произнести его шёпотом. Мир тогда по особенному наполнился звуковыми

переливами: колёса месили дорожную грязь, новая ось скрипела, будто ей уже сотню лет, бесчисленные кочки создавали такую тряску, что посыльные ящики подсакивали и дребезжали, а бедный Назар Прокопьевич очень громко сопел в тревожном сне. Картина представлялась довольно странная и не укладывающаяся в голове юного корреспондента. Едва прошло пару минут знакомства, как эта странная особа уже что-то предлагает и диктует свои же правила, врываясь, словно буря, в жизнь безмятежной экспедиции, вихрем снося всю складную атмосферу внутри слаженного дуэта профессора и его помощника.

– Нам нужен новый возничий, – неожиданно заключил Сапожковский, чем вызвал некоторое негодование в лице девушки и ещё большую заинтересованность в беседе у Петра – У вашего отца наверняка есть фавориты в этом непростом деле. Нужен человек надёжный и решительный. К сожалению, времени остаётся мало, и мы заметно опаздываем на экспедиционный совет, поэтому от такого человека будет зависеть дальнейшая судьба путешествия. Может в Гординском найдётся редкий экземпляр?

– Я, честно говоря, не знакома ни с одним из местных ямщиков, – немного растеряно отвечала Хавронья, ещё более смягчая свою интонацию подкупными нотками – Но знаю одного человека, который может помочь. Он местный и наверняка бы ответил на ваш вопрос.

– Прекрасно, – заключил профессор – Где можно найти этого человека?

– Его зовут Омель Агаев, – не раздумывая продолжила девушка – Он заведует сапожной лавочкой недалеко от церквушки, я покажу дорогу.

– Не спеши, – отрезал Сапожковский и более ничего не добавил.

Ветхий деревянный мостик, небрежно перекинутый через чёрную воду Камы, достойно выдержал переезд дилижанса под управлением профессора, хоть и не без ощущения, что он вот-вот рухнет. Гординское начиналось сразу же за рекой, раскинувшись длинной вереницей вольно рассыпанных домиков слева и справа. Это место было перевалочным пунктом между севером и югом, поэтому здесь находилось огромное множество извозчиков, которые наверняка захотели бы оказать свои услуги, но Сапожковскому требовался кто-то особенный. Но первым делом путешественники посетили местного врача, который радушно встретил гостей, приняв Назара Прокопьевича под свою опеку.

Доктор представлял собой помесь некоего высокопочтенного профессора и второсортного мясника в белом халате и запачканным кожаными фартуке. Вид его не сильно внушал доверия, но этот уже потерявший абсолютно все свои волосы на голове и бреющий жёсткую щетину, человек был единственным доктором во всей округе. Бегающая круглыми глазками с такими же круглыми окулярами под ними, он радовался прибытию путешественников в свою обитель, обещающую здоровье каждому из входящих в неё.

– Поднимем на ноги не переживайте, – заверил тот – Подхватил простуду – с кем ни бывает!

Пётр и Борис Борисович оставили больного на койке местного госпиталя, который больше походил на самый обычный жилой дом, скорее всего доктор здесь и проживал. Хавронью при этом попросили оставаться в кузове экипажа, чтобы та не привлекала к себе особого внимания, опасаясь, что её могут узнать. Назар Прокопьевич снова начал извиняться, что не смог довести дела до конца.

– Назар, не стоит переживаний, – уверил больного профессор – Впереди много дорог, которые предстоит пройти. Просто ни в этот раз! Поправляйся поскорее, мы же продолжим. Вот держи, – и тут Сапожковский протянул лежавшему добрые пять рублей ассигнациями, отчего тот совсем потерял дар речи и приподнялся на локти в своей кушетке – Заслуженная плата за проведённое время – добавил профессор.

– Борис Борисович, – проговорил обескураженный кучер – Разве ж можно? Вы мне каждый день платили по два рубля сверху! Куда ещё?

– Бери, на скорое выздоровление, – улыбнулся профессор, вручив ценные бумаги Назару Прокопьевичу, и добавив – Надеюсь, что твоё возвращение в строй не заставит себя ждать и после экспедиции твои услуги нам очень будут кстати.

Кучера оставили в приподнятом настроении, которое вероятно сыграет большую роль в его дальнейшем поправлении здоровья. Врачеватель добродушно сопроводил своих посетителей, ещё раз повторив, чтобы те не беспокоились за больного, у которого самая простецкая простуда. Доверия доктор внешне не вызывал, но судя по тому, что поселение всё же до сих пор не вымерло от посещения госпиталя, можно было смело оставлять Назара Прокопьевича на лечение у доктора.

– Подскажите, любезный, – обратился профессор к фельдшеру уже на выходе – Проживает ли у вас в Гординском некий славный сапожник по имени Омель Агаев? Мои сапоги совсем уж поизносились, хотел бы их предоставить к услугам этого мастера.

Ох, что вы? Что вы? – удивился доктор – Сапожник прескверный! Какое ему можно доверить дело? Особенно уж такие дорогие сапоги, как ваши, уважаемый! Вы пойдите-ка лучше к Петрушке Семакову или на крайний случай к Фарафонову, но к Агаеву не суйтесь! Того гляди и без сапог остаться можно.

Выслушав доктора, профессор самодовольно удалился. Вопрос его не был ясен Петру, но, возможно, Борис Борисович тем самым хотел в чём-то убедиться или же зачем-то распустить какой-то слух о своих сапогах. Пётр оставался лишь со своими догадками. Вернувшись к экипажу, путешественники тронулись далее, и следующим же пунктом их маршрута в Гординском был дом, никого иначе, как сапожника Агаева.

«Похоже, Борис Борисович путает следы...»

Компанию Хавронье теперь разделил Пётр, но их беседе было не суждено состояться, поскольку дама за время их отсутствия задремала. Юноше оставалось лишь наблюдать за её тонкими линиями стана, нежно прильнувшего к жёсткому сидению экипажа, которое для этого хрупкого создания превратилось в колыбель. Пётр не верил самому себе, он будто был завожён красотой этой таинственной особы. Что она может противопоставить его возлюбленной невесте? Пётр даже не хотел об этом думать, всё больше погружаясь в мысли о том, что Хавронья вообще может быть опасна и доверия она ещё не заслужила точно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.